

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St.-Petersbourg.

Tome XI.
(1895 - 1901.)

St.-Petersbourg, 1901.

Образцы матеріаловъ по изученію гиляцкаго языка и фольклора,

собранныхъ на островѣ Сахалинѣ и въ низовьяхъ Амура

Л. Я. Штернбергомъ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго Отдѣленія 24-го мая 1900 г.).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Изученіемъ первобытныхъ народностей о. Сахалина, низовьевъ Амура и материковаго побережья Татарскаго пролива я занимался, съ нѣкоторыми перерывами, съ января 1891 г. по май 1897 г. Специальнымъ предметомъ моего изслѣдованія были Гиляки, ихъ языкъ, религія, психика, юридическіе обычай и воззрѣнія, также ихъ численность, условія и причины вымиранія.

Изученіе инородцевъ производилось мною и стаціонарно (въ разныхъ пунктахъ острова), и посредствомъ систематическихъ экскурсій, во время которыхъ я послѣдовательно успѣлъ объѣхать всѣ районы осѣлости интересовавшихъ меня народностей. Первое путешествіе было мною предпринято втеченіи зимы 1891 г. въ территоріи Гилякъ, по западному побережью о. Сахалина, начиная съ с. Аркы-во вплоть до сѣверной оконечности острова, м. Марін. Затѣмъ послѣдовательно были сдѣланы мною слѣдующія путешествія по Сахалину: 2) лѣтомъ 1891 г. по р. Тымъ и восточному берегу острова, отъ м. Де-ла-Кройера до м. Впрста (территорія Гилякъ, Ороковъ и Тунгусовъ); 3) лѣтомъ 1892 г. по р. Поронаю, побережью залива Терпѣнія, всей южной части острова до с. Косуная (вся территорія Айновъ, также Ороковъ и Гилякъ южнаго Сахалина); 4) лѣтомъ 1893 г. въ территорію Гилякъ по западному берегу острова къ югу отъ с. Аркы-во до Сортуная; 5) лѣтомъ 1894 г. вторично по сѣверной части западнаго берега острова, для отысканія слѣдовъ каменнаго періода и провѣрки движенія населенія. Покончивъ съ народностями о. Сахалина, я перенесся на материкъ для ознакомленія съ единоплеменниками сахалинскихъ Гилякъ, а также съ ихъ сосѣдями тунгусскаго племени: Гольдами, Мангу-

нами, Орочамп, Негда, съ каковой цѣлью я втеченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ 1895 и 1896 гг. объѣхалъ низовья Амура до Софьевска, морское побережье къ сѣверу отъ устья Амура до р. Коль и къ югу до с. Чомы (территорію Гилякъ), бухты Императорской гавани и впадающія въ нихъ рѣчки, морское побережье къ сѣверу отъ Императорской гавани до м. Сюркума, также р. Тумни до с. Мули-дата (территорію Орочей). Кромѣ того, я предпринялъ поѣздку по среднему теченію Амура и р. Уссури для общаго ознакомленія съ инородцами края. Зимѣ 1896—1897 г. я снова провелъ на Сахалинѣ, гдѣ занимался стационарно изученіемъ языка и быта Гилякъ, также проверкой прежнихъ своихъ наблюденій.

Сверхъ чисто-научнаго матеріала по этнологіи, лингвистикѣ, фольклору, собраны мною полныя коллекціи вещей изъ быта и религіи Гилякъ, Айновъ, Ороковъ и Орочей. Первая изъ нихъ досталась Сахалинскому музею, однимъ изъ инициаторовъ и устроителей котораго я былъ. Вторая и третья фигурировали на выставкѣ въ Чикаго, и по моей просьбѣ должны были, вмѣстѣ съ подробнымъ объяснительнымъ каталогомъ, мною составленнымъ, быть переданы Обществу Любителей естествознанія въ Москвѣ, но, къ сожалѣнію, судя по сообщеніямъ газетъ, коллекціи эти вмѣстѣ съ другими экспонатами изъ Пріамурскаго края, по печальному недоразумѣнію, были проданы распорядителями русскаго отдѣла агентамъ иностранныхъ музеевъ.

Что касается коллекціи Орочской, то небольшая часть ея была передана мною музею Общества изученія Амурскаго края во Владивостокѣ, большинство же объектовъ (до 900 №№), какъ приобретенные на средства частнаго лица, достанутся въ даръ тому или иному музею въ зависимости отъ желанія этого лица.

Добытыя мною путемъ раскопокъ и поисковъ коллекціи орудій каменнаго вѣка переданы мною полностью Сахалинскому музею, а нѣсколько экземпляровъ также музею въ гор. Хабаровскѣ. Негативы фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ мною во время путешествія (свыше 200), хранятся у меня для воспроизведенія ихъ при изданіи описаній моихъ путешествій; отпечатки же съ этихъ негативовъ имѣются въ альбомахъ Сахалинскаго музея.

Что касается окончательной обработки моихъ научныхъ матеріаловъ, я откладывалъ ее до того времени, когда мнѣ представится возможность имѣть доступъ къ какой-нибудь научной библіотекѣ, гдѣ я могъ бы найти всю литературу интересующихъ меня вопросовъ.

Пока въ печати имѣются лишь слѣдующія мои сообщенія: 1) Сахалинскіе Гиляки: Этнографическое Обзоріе, 1893 г. № 2; 2) Путешествіе на крайній Сѣверъ о. Сахалина: Сахалинскій Календарь 1895 г.; 3) Крат-

кій отчетъ о путешествіи по территоріи Гилякъ къ югу отъ п. Александровска до Сортуная: Пріамурскія Вѣдомости 1899 г. (статья за подписью Л. Ш.).

1 Ноября 1896 г. сдѣлано мною большое сообщеніе подъ названіемъ «Орочи Татарскаго побережья» въ Обществѣ Изученія Амурскаго края во Владивостокѣ. Рефератъ объ этомъ сообщеніи напечатанъ въ газетѣ «Владивостокъ» въ нѣсколькихъ номерахъ. Самый докладъ отложенъ мною печатаніемъ по вышеуказанной причинѣ.

Что касается спеціально фольклора и языка Гилякъ, то мною записано въ оригиналѣ съ подстрочнымъ переводомъ 75 текстовъ поэмъ, сказокъ, пѣсенъ, преданій, молитвъ, юридическихъ формулъ (всего до 400 страницъ), сверхъ записей изъ фольклора на русскомъ языкѣ; далѣе систематизированы собранные мною матеріалы для составляемыхъ грамматики и словаря Гиляцкаго языка. Сверхъ того, въ моемъ распоряженіи находятся мною провѣренныя и проредактированныя тексты, записанные по моему же просьбѣ другомъ моимъ Б. О. Пилсудскимъ, которому считаю долгомъ принести свою признательность какъ за эту услугу, такъ и за содѣйствіе при изученіи Гилякъ въ Тымовскомъ округѣ. Большая часть записанныхъ мною текстовъ относится къ нарѣчію Тымовскому, но имѣются у меня и образцы текстовъ другихъ нарѣчій: западнаго и материковаго.

Предлагаемая для образца поэма записана мною въ январѣ 1897 г. на о. Сахалинѣ отъ Гиляка Койныта, юноши-шамана изъ с. Ады-Тыми. Языкъ этой поэмы принадлежитъ нарѣчію Тымовскому, и всѣ грамматическія къ ней объясненія также относятся къ этому нарѣчію.

Поэма снабжена почти *буквальнымъ* построчнымъ переводомъ и подробнымъ лингвистическимъ разборомъ ста словъ текста, и является первымъ печатнымъ опытомъ изображенія и перевода Гиляцкихъ текстовъ. Что касается до лингвистическаго разбора текста, то, думается мнѣ, что онъ даетъ болѣе или менѣе достаточное представленіе о строѣ, фонетикѣ, грамматическихъ особенностяхъ этого оригинальнѣйшаго языка, полная лингвистическая обработка котораго раньше была совершенно невозможна вслѣдствіе недостатка матеріала. Все, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи, собрано въ добросовѣстной работѣ Dr. Wilhelm Grube, Giljakisches Wörterverzeichnis nebst grammatischen Bemerkungen (Anhang zum III-ten Bande der Reisen und Forschungen im Amurlande, von Dr. Leopold v. Schrenck), Lief. 1. St. P. 1892 г. Къ сожалѣнію, проф. Грубе имѣлъ въ своемъ распоряженіи слишкомъ скудный матеріалъ, и то не имъ собранный непосредственно, и *ни одного* переведеннаго текста, на основаніи котораго возможно было бы сдѣлать какія-нибудь грамматическія заключенія.

Только *теперь*, когда накопился обширный лингвистическій матеріалъ и собрано достаточное количество текстовъ, становится возможнымъ опытъ научной обработки грамматики и лексикона Гиляцкаго языка.

Въ заключеніе считаю своимъ приятнымъ долгомъ выразить свою искреннюю признательность академику К. Г. Залеману за его цѣнные совѣты и указанія при редактированіи этой работы.

Предварительныя замѣчанія о транскрипціи и фонетикѣ гиляцкихъ звуковъ.

Для изображенія звуковъ гиляцкой рѣчи я употребляю знаки русскаго алфавита, причѣмъ тѣ звуки, которые отклоняются отъ русскаго произношенія, я изображаю соответствующими русскими буквами, но снабженными особыми значками, соображаясь съ т. н. академической азбукою. Изъ латинскаго алфавита я заимствовалъ пять буквъ: *j*, *h*, *l*, *v* и англійское *w*.

Что касается алфавита Лепсіуса, употребленнаго проф. Грубе въ вышеназванномъ трудѣ его, то я нашелъ его не удовлетворяющимъ моимъ цѣлямъ и потому не счелъ возможнымъ имъ воспользоваться.

1. Алфавитъ.

Гласные простые: а, а̇, е, і, о, у, ы, в.

Двугласные: ај, еј, ој, уј, ѳј, вј, ау, оу, еу.

Гласные съ особой интонаціей: ё, ѱ и др.

Согласные, извѣстные изъ европейскихъ языковъ: б, в, w, h, г, д, ж, з, ј, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш.

Согласные палатальные: ѵ̇, д̇, з̇, љ̇, ѳ̇, с̇, т̇, ц̇, ч̇.

Согласные аспираты: б̇, г̇, к̇, ѳ̇, ѳ̇, п̇, т̇, ч̇.

Согласные картавые: в и б.

Согласные корональные: ѳ̇, ж̇, з̇, к̇, р̇, с̇, х̇, ц̇, ш̇, ч̇.

Согласные дорсальные: к̇, х̇.

Согласные горло-носовые: ѳ, н.

Разновидности согласнаго л: л, л̇, l и палатальное љ̇.

Согласные дифтонги: ч, ц, ѳ, з, и кромѣ того слѣдующія характерныя соединенія: кх, қх, кр̇, пр̇, ѳг, хг, х̇р̇, кр̇, пш, рж, пф.

Примѣчаніе. Термины «корональные» и «дорсальные» употреблены мною не совсѣмъ въ обыкновенномъ ихъ значеніи. Подъ корональными я подразумѣваю звуки, которые произносятся, прикасаясь переднимъ краемъ языка, *нижней* поверхностью его (*lingua inversa*), къ заднимъ стѣнкамъ *верхнихъ* рѣзцовъ (*post dentes*). Дорсальные произносятся, прикасаясь переднимъ краемъ языка, *верхней* поверхностью его (*dorso*), къ заднимъ стѣнкамъ *нижнихъ* рѣзцовъ.

2. Произношеніе гласныхъ.

Гласные а, і, о, у, ы произносятся, какъ русскіе звуки, обозначае-
мые тѣми же буквами.

а — какъ русское а, но прикасаясь переднимъ краемъ языка къ нижнимъ
рѣзцамъ (дорсально); встрѣчается чаще всего въ концѣ слова въ гла-
гольной формѣ на нѣ, напр. винѣ.

е — какъ русское э; не смѣшивать его съ мягкимъ русскимъ е (въ сло-
вахъ есть, дѣти), которое я изображаю либо черезъ је, либо, если ему
предшествуетъ палатальный согласный, просто черезъ е.

у — какъ русское ы, но съ болѣе открытымъ ртомъ, выдвинувъ нѣсколько
впередъ нижнюю челюсть и опустивъ губу, наприм., ку — «топоръ».

3. Существованіе въ гиляцкомъ языкѣ согласныхъ аспиратныхъ и
особыхъ согласныхъ съ корональной и дорсальной артикуляціей — создаетъ
особые оттѣнки произношенія гласныхъ слѣдующихъ непосредственно за
этими согласными; но отмѣчать эти оттѣнки особыми знаками мы сочли
излишнимъ, такъ какъ способъ произношенія указанныхъ разрядовъ со-
гласныхъ самъ по себѣ уже порождаетъ соотвѣтственную артикуляцію
слѣдующихъ за ними гласныхъ.

Такъ Шренкъ и Гленъ, а по нимъ и г. Грубе, выдѣлили особую
гласную е, которую Гленъ опредѣляетъ, какъ закрытое е, а Шренкъ чи-
таетъ, какъ ѣ, еі, между тѣмъ, судя по примѣрамъ имъ приведеннымъ,
этотъ звукъ представляетъ лишь тотъ оттѣнокъ е, который принимаетъ по-
слѣдній, когда стоитъ послѣ aspirata, которыхъ Шренкъ и Гленъ вовсе
не замѣтили въ гиляцкомъ языкѣ. Такъ какъ мы ввели аспираты въ алфа-
виту, то является совершенно излишнимъ отмѣчать порождаемые ими от-
тѣнки въ артикуляціи гласныхъ и усложнять ими и безъ того сложный ги-
ляцкій алфавитъ.

4. Гласные бываютъ долгими и краткими. Первые мы отмѣчаемъ осо-
бымъ знакомъ (ˉ надъ буквой) только въ случаяхъ *особой* протяженности.

Послѣ нѣкоторыхъ гласныхъ (а, е, у) часто слышится придыхатель-
ное h, благодаря чему эти звуки получаютъ *протяжный* выдыхательный
оттѣнокъ, напр., аh, нан-нанѣh.

5. Гласные получаютъ часто особую пѣвучую интонацію вслѣдствіе
того, что гиляки въ своей рѣчи любятъ прибѣгать къ музыкальнымъ ре-
читативамъ для болѣе выразительности. Въ нѣкоторыхъ формахъ подоб-
ная интонація гласнаго является постоянной, какъ-бы фиксированной, и
мы отмѣчаемъ ее особымъ знакомъ ` (circumflexe) надъ гласнымъ.

Такъ въ глагольныхъ формахъ съ окончаніемъ на -фкѣ, выражающихъ
особую продолжительность дѣйствія, конечный гласный е произносится съ

особой пѣвучей модуляціей голоса въ нѣсколько переливовъ, причемъ въ заключительномъ переливѣ послѣ е слышится зампраощій звукъ j. Иногда звукъ этотъ (é) произносится съ протяжнымъ выкрикомъ и тоже съ переливами.

Примѣръ: віфкѣ — «долго, долго ходили; далеко, далеко ходили». Подобную пѣвучую интонацію получаетъ звукъ у въ двойномъ нарѣчій ыгрыкѹ - ыгрыку «давно, давно». Желая особенно изобразительно передать посредствомъ этого двойного нарѣчія понятие о глубокой древности, гяляки произносятъ конечное ū въ первомъ нарѣчій съ пѣвучимъ въ нѣсколько переливовъ высокимъ выкрикомъ, а второе нарѣчіе произносятъ упавшимъ голосомъ, почти *pianissimo*.

6. Гласные вообще произносятся съ хриплымъ резонансомъ.

7. Не вдаваясь пока въ подробности, считаемъ нужнымъ отмѣтить чрезвычайную вялость и неопредѣленность артикуляціи гласныхъ, черты, которыя вызываютъ неустойчивость и крайнюю легкость замѣны гласныхъ однихъ другими. Причины этого явленія заключаются въ слѣдующихъ условіяхъ:

а) Прежде всего, конечно, въ общей особенности всѣхъ первобытныхъ языковъ, допускающихъ самое широкое индивидуализированіе звуковъ въ зависимости отъ особенностей каждаго говорящаго лица.

б) Въ избііи діалектовъ и поддіалектовъ (не менѣе 5—6 средн. племени, не превышающаго 4500 душъ), причемъ, благодаря междуродовымъ бракамъ и непрерывнымъ переселеніямъ, діалекты крайне перепутываются между собой (въ рѣдкой семьѣ всѣ члены ея говорятъ на одномъ и томъ же діалектѣ).

в) Въ крайней быстротѣ гяляцкой рѣчи, сопровождаемой сдавленной горло-носовой артикуляціей.

г) Въ своеобразномъ способѣ сложенія словъ, благодаря которому иногда до десяти и болѣе словъ сливаются въ одно, имѣя удареніе на одномъ изъ нихъ, чаще всего на первомъ, наприм. пілѣң-һыта-фің-тав-нахъ-тох-југінд «онъ вошелъ въ большой домъ одинъ, находящійся по серединѣ (деревни)». Къ подобнымъ же результатамъ приводитъ обычный синтетическій способъ образованія словъ, путемъ прибавленія неограниченнаго числа суффиксовъ, благодаря чему становятся возможны формы съ огромнымъ количествомъ слоговъ, напр.: іхухаріфункінынхунта — «они прикажутъ приступитъ къ окончательному избіенію».

д) Въ явленіи, извѣстномъ подъ именемъ *harmonie vocalique*. Вотъ характерный примѣръ этого явленія въ измѣненіяхъ послѣлога ынкѹ въ зависимости отъ предшествующихъ ему словъ:

нау-нау-ункр̃ — «по ровну»,
 нѣрк-нѣрк-інкр̃ — «по куску»,
 нр̃ах̃-нр̃ах̃-ејнкр̃ — «по листику (табаку)».

е) Вслѣдствіе эволюціи языка отъ односложныхъ словъ къ многосложнымъ, многія слова имѣютъ двойственную форму: краткую и растяженную (съ бѣльшимъ количествомъ гласныхъ). Примѣры:

Краткая форма:	Растяженная форма:
ытк	Ытык — «отець»
ніѣвың	ніѣвывың — «человѣкъ»
һунвнд	һунывынд — «пробывать»
шáпрыр̃	ца́пежір̃ — «принесъ»
ітнд	Ітынд — «сказать», и т. д.

Въ растяженныхъ формахъ замѣчается и особенная неустойчивость гласныхъ и легкость перехода ихъ въ другіе родственные имъ (і — въ ы, ы въ у и е, также а въ е, о въ е п у и т. п.), и потому многія слова въ растяженной формѣ произносятся двояко (то съ однимъ, то съ другимъ гласнымъ), напр.:

һунывынд = һуневунд
 ніѣвывың = ніѣвыуң
 ку́рың = куру́ң, и т. п.

А вотъ примѣры колебанія гласныхъ безъ всякой зависимости отъ растяженія:

Іóимуң = Іéімең
 һунчнд = һóнцет, и т. п.

ж) Вслѣдствіе указанныхъ условій гласные естественно становятся особенно чувствительными къ переходу въ другіе болѣе крѣпкіе или слабые, въ зависимости отъ присутствія или отсутствія на нихъ ударенія или болѣе или меньшей близости къ ударяемому гласному. Такимъ образомъ промежуточный гласный, получивъ удареніе, переходитъ въ основной и наоборотъ.

Вотъ характерные примѣры изъ разбираемаго текста:

Слово па́рк — «самъ, только» произносится: па́рк = ба́рк = ва́рк = фа́рк (перехода согласнаго мы не касаемся, обращаемъ вниманіе только на гласный а), когда оно имѣетъ логическое удареніе; если же это удареніе переходитъ на другое слово, съ которымъ оно связано по смыслу, то а переходитъ въ ы, т. е. па́рк обращается въ пы́рк, бы́рк, вы́рк. Такъ въ текстѣ на первой строкѣ мы встрѣчаемъ выраженіе: мѣн бы́рк — «двое только» (а перешло въ ы вслѣдствіе потери ударенія); наоборотъ, на строкѣ седьмой мы находимъ выраженіе ва́рк һав̃р̃ — «только-бы», гдѣ а сохранилось благодаря логическому ударенію на ва́рк.

Отъ слова му — «лодка» имѣемъ форму пѣмы — «его лодка», гдѣ у перешло въ ы вслѣдствіе потери ударенія, хотя въ данномъ случаѣ перемѣна могла произойти и подъ вліяніемъ harmonie vocalique.

Отъ гл. интынд — «видѣть» имѣемъ двойную форму повелительнаго наклоненія: ншыjá, ншуjá (гласные ы и у неустойчивы, благодаря отсутствію на нихъ ударенія).

Отъ ымык — «мать» имѣемъ въ пѣсляхъ форму емукá (зват. падежъ, а — флексія); удареніе перешло на конецъ слова.

Интересенъ примѣръ глагола іхынд — «убивать». Въ рѣже употребляемой формѣ іхунд, удареніе часто слышится уже на послѣднемъ слогѣ (іхунд). Когда же глаголь теряетъ начальное і (плеонастическое мѣстоименіе), именно, когда передъ нимъ стоитъ дополненіе, и такимъ образомъ глаголь этотъ обращается въ односложное слово съ самостоятельнымъ удареніемъ, у уже остается неизмѣннымъ, напримѣръ:

іхынд — «убивать» = іхунд (безъ дополненія)

ніѣвыцъ кунд — «человѣка убить» (съ дополненіемъ).

Попутно интересно отмѣтить и комбинаторное измѣненіе согласнаго (к въ х) въ связи съ чередованіемъ гласныхъ, явленіе совершенно тождественное съ таковымъ въ индо-европейскомъ праязыкѣ.

8. Объ измѣненіяхъ гласныхъ по діалектамъ и при словообразованіи мы теперь не распространяемся, такъ какъ явленіе это представляетъ слишкомъ много своеобразнаго, чтобы возможно было охарактеризовать его въ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаніяхъ.

9. Произношеніе согласныхъ.

w — произносится, какъ англійское w; очень часто въ однихъ и тѣхъ же словахъ слышится то w, то русское в. Въ комбинаторныхъ измѣненіяхъ оба эти звука, w и в слѣдуютъ тѣмъ же правиламъ.

h — въ началѣ слова или слога произносится какъ нѣмецкое h. Объ аспиратахъ (h и т. д.) нужно замѣтить, что они произносятся какъ въ армянскомъ языкѣ, но нѣсколько слабѣе.

л, ɫ, ʎ, ʟ — мы различаемъ четыре разновидности звука л: 1) л — твердое русское л (въ словѣ пила); 2) ɫ (встрѣчается рѣдко) — гиляцкое твердое л, отличающееся отъ русскаго болѣе твердымъ горловымъ резонансомъ; 3) ʎ — германо-романское l и 4) ʟ — l мульированное (палатальное).

к — картаво-произносимое р, нѣсколько слабѣе французскаго r grasseyeé, впадая въ картавое г.

ɣ — картаво-произносимое г, часто впадающее въ предыдущій звукъ в.

ʝ — корональный звукъ, который получается, если картавое ɣ произнести,

прикасясь переднимъ краемъ языка, нижней поверхностью его, къ заднимъ стѣнкамъ верхнихъ рѣзцовъ (см. примѣч. къ § 1). При этомъ послѣ *ɣ* слышится еще звукъ *h* или звонкое *x*. Такимъ образомъ въ сущности получается *ɣ aspiratum* съ корональной артикуляціей. Звукъ этотъ часто впадаетъ въ *h*, *x*. Вполнѣ совпадаетъ, повидимому, съ чукотскимъ и юкагирскимъ *ɣ*.

Всѣ прочіе согласные, отмѣченные знакомъ (˘), произносятся, какъ соотвѣтствующіе имъ русскіе, но *коронально*, какъ въ предыдущемъ звукѣ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы должны сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) Благодаря корональности звукъ *ʒ* впадаетъ въ *з*, *ш* — въ *с*, *ч* въ *ц*. Поэтому — то въ гияцкомъ языкѣ такъ часто произносятся безразлично звуки *ш* и *с*, *ж* и *з*, *ч* и *ц*. И это совершенно понятно, потому что стоятъ только произнестъ первые коронально, какъ получатся вторые. 2) Звуки *к* и *х* встрѣчаются особенно часто и составляютъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей гияцкаго произношенія. Чукотскій звукъ *ɕ*, повидимому, совершенно тождествененъ съ гияцкимъ *к*. Шренкъ и Гленъ, судя по примѣрамъ, ими приводимымъ, не выяснили себѣ природы этого звука и изображали его первый черезъ *kx*, а второй черезъ *k* и *k'*.

ɣ̃ — самый оригинальный согласный изъ разряда корональныхъ. Въ произношеніи онъ слышится, какъ составленный изъ двухъ звуковъ *p* + *ш*, причемъ въ зависимости отъ индивида, произносящаго его, или отъ діалекта, второй звукъ *ш* слышится то какъ *ʒ*, то какъ *з* или *с*, а то даже *ш*, *ж* или *з*. Мало того, сложный звукъ этотъ часто въ произношеніи теряетъ то *p*, то *ш*, и слышится то какъ чистое *p*, то какъ *ш*, *ʒ*, *з*, *с*, или даже просто *ш*, *ж*, *з*, *с*. Такъ, наприм., слово *парк* произносится то *парі́к*, то *парѣ́к*, то *парз́к*, то *парк*, *паш́к*, *паш́к* и даже *наш́к*, *парш́к*. Нѣтъ возможности, конечно, каждый индивидуальный оттѣнокъ произношенія этого звука отмѣчать особо, и мы поэтому изображаемъ его однообразнымъ знакомъ *ɣ̃*.

Физиологическое образованіе этого звука объясняется своеобразной корональной артикуляціей его. Дѣйствительно, произнося *p* «post dentes, lingua inversa», мы вслѣдъ за *p* слышимъ еще одинъ звукъ, именно *ш*, звукъ очень близкій нашему *с*, а если произнестъ то же *ɣ̃*, но совѣмъ тихо, то получаемъ даже одинъ чистый звукъ *с*. Послѣ этого совершенно естественными являются указанныя выше варіаціи этого звука въ родѣ: *p* + *ʒ*, *p* + *с*, или просто *p*, *з*, *с* и т. д. Возможно еще и такое объясненіе происхожденія этого звука. Благодаря корональности артикуляціи, въ гияцкомъ языкѣ очень обыкновененъ переходъ *p* въ *ш*, *ш*, *ж*, *ʒ*, *з* и *с*. Кромѣ того, при стеченіи двухъ *p*, опять такъ обыкновененъ переходъ либо обоихъ *p* въ *ж*, *ʒ*, *з*, либо второго изъ нихъ, наприм. *jarra* = *jaʒʒa* =

ја ж́ жа, плл кер рарá = кер шарá = кер жарá. Такимъ образомъ, если предположить, что *ř* первоначально было консонантнымъ р (рр), то легко будетъ уже понять, почему оно обратилось въ р + ш́ = р + ж́ = р + ш, и даже р, ж́, ж́, ж, з.

к̣ и х̣ — произносятся какъ соответствующіе имъ русскіе к и х, но прикасаясь переднимъ краемъ языка *дорсально* къ нижнимъ рѣзцамъ (см. примѣч. къ § 1).

ң — горло-носовой звукъ, произносимый хрипло въ носъ. Иногда какъ бы слышится *передъ* нимъ глухой в.

г — такой же горло-носовой звукъ (ң), послѣ котораго всегда слышится слабый, какъ бы замрающій звукъ г, какъ въ окончаніи англійскаго причастія *na-ing*.

ц и 5 — соответствуютъ русскимъ дж, дз; рѣдко употребляются, какъ вполне самостоятельные звуки, чаще всего замѣняютъ собой звукъ ч, наприм. чоңг̣р̣ = зоңг̣р̣; чѣко = џáко.

Старики (благодаря ослабленной интенсивности артикуляціи) и женщины (у которыхъ слабая артикуляція является искусственной привычкой особаго женскаго шика) въ произношеніи предпочитаютъ слабый ц крѣпкому ч, а женщины, кромѣ того, произносятъ звукъ л съ усиленной мягкостью.

10. Болѣе детально фонетики согласныхъ мы здѣсь касаться не будемъ. О нѣкоторыхъ особенностяхъ мы подробно говоримъ при разборѣ текста. Теперь замѣтимъ только, что глянцкіе согласные, подобно гласнымъ, также отличаются необычайной подвижностью, выражающей въ крайне легкой замѣнѣ однихъ звуковъ другими, часто самыми отдаленными по физиологическому родству. Чаще всего эти замѣны зависятъ отъ комбинаторныхъ причинъ, которыхъ въ этомъ языкѣ особенно много, такъ какъ положеніе согласныхъ измѣняется не только подъ вліяніемъ словообразованій, но и отъ обыкновенія слывать въ связанной рѣчи цѣлый рядъ словъ въ одно слитно произносимое выраженіе.

Но кромѣ *закононыхъ, комбинаторныхъ* явленій перехода звуковъ, очень обыкновенны и безпричинные, по внѣшнему, переходы, какъ напр., паѣк = ваѣк = баѣк = фаѣк или: кенд = хенд = генд = хгенд, когда каждая изъ этихъ формъ, повидному, употребляется безразлично. Физиологическое объясненіе этого явленія постараемся дать впоследствии.

II. Краткія правила ударенія.

а) Удареніе по общему правилу стремится какъ можно дальше отъ конца. Въ простыхъ, не сложныхъ словахъ оно обыкновенно стоитъ на первомъ слогѣ.

б) На концѣ слова удареніе ставится: 1) въ глагольныхъ формахъ съ окончаніями на ра, та, на, нга, тот, нон, роѣ, е, ё, ы, у, о, ба, па, хай, хайро, и въ окончаніяхъ повелительнаго наклоненія: ја, ве, ате, да, та; 2) въ звательномъ падежѣ; 3) въ нѣкоторыхъ восклицательныхъ выраженіяхъ, какъ енојѣ! ынынѣ! ытытá! пай-вај-ѣј! 4) въ многочисленномъ рядѣ словъ, которыя по исключенію имѣютъ удареніе на концѣ.

в) Нѣкоторыя слова произносятся различно, то съ удареніемъ на первомъ, то на послѣднемъ слогѣ, напр. һу́змі и һу́змі; о́сінынд и осі́нынд; са́рунд и сару́нд.

г) Иногда удареніе переносится на послѣдній слогъ въ *растяженныхъ* формахъ, особенно когда неопредѣленный гласный замѣняется основнымъ, напр., ку́рың = куру́ң, и вообще при растяженіяхъ, напр. е́ђлаң = еђла́ң.

д) Въ сложныхъ словахъ соблюдаются слѣдующія правила:

а) Если они составлены изъ существительныхъ, то удареніе на первомъ изъ нихъ, наприм.: бі́тк-раф; па́х-тух «отцовскій домъ; каменный топоръ».

б) Въ словахъ, составленныхъ изъ 2-хъ глаголовъ, удареніе чаще всего на послѣднемъ изъ нихъ, наприм., шо́р-ма́рынд «внеса спуститься».

γ) Если слово составлено изъ прилагательнаго и существительнаго, то удареніе иногда на первомъ, иногда на второмъ изъ нихъ, напримѣръ: пі́ла-ні́ђывың — «большой человекъ», пі́-во — «большая деревня».

δ) При слияніи цѣлаго ряда словъ въ одно непрерывно произносимое выраженіе, одно главное слово (первое или послѣднее) обыкновенно принимаетъ логическое (психическое) удареніе съ сильнымъ повышеніемъ голоса на ударяемомъ слогѣ; остальные слова почти теряютъ свои ударенія.

е) Удареніе часто служитъ единственнымъ отличіемъ прилагательнаго отъ глагола, наприм.: мо́рханд «живой», мо́рханд «жить» и т. п.

ж) Въ размѣщеніи ударенія на томъ или другомъ слогѣ Гиляки проявляютъ часто много индивидуализаціи и вольности, но въ общемъ указанныя правила соблюдаются. Уклоненія зависятъ главнымъ образомъ отъ привычки произносить рѣчь слишкомъ быстро, притомъ пѣвуче, часто съ речитативами. Въ частности поэмы всегда поются своеобразнымъ манеромъ, чередуя речитативы съ завываніями и горловыми модуляціями. Поэтому въ поэмахъ именно проявляются особыя вольности въ удареніяхъ топическихъ и особенно частое употребленіе удареній логическихъ, вслѣдствіе чего отдѣльныя слова, часто цѣлый рядъ словъ, теряютъ свои тонические ударенія.

12. О пѣкоторыхъ знакахъ въ гяляцкомъ текстѣ.

Удареніе мы обозначаемъ знакомъ (') (французскимъ accent aigu). Слова съ удареніемъ на первомъ слогѣ мы оставляемъ безъ знака ударенія. На односложныхъ словахъ ставимъ удареніе только тогда, когда на нихъ падаетъ логическое удареніе. Слова сложные иногда имѣютъ два ударенія, что мы всякій разъ отмѣчаемъ. Сложныя слова, которыя въ гяляцкомъ языкѣ бываютъ иногда очень длинны, и сложныя выраженія, произносимыя слитно, какъ одно слово, мы, для бѣльшей грамматической ясности, — первыя по бѣльшей части, вторыя всегда, — разлагаемъ на ихъ составныя части посредствомъ знака «тире» (-). Послѣлоги и суффиксы мы обык-

Н а с т у н д.

Ычѣхъ њеныцъ п'нарнѣвыыцъ њеныцъ хат мѣнъ быркъ хунывыт. Мызъ њѣвыыцъ чо напыгыръ вѣр, хожъ њанъ хуръ шорпшыр; жероръ, жечр, п'ычѣхъ арѣн-тох - чѣгъ хавырыр.

5   Хуцъ ычѣхъ чержорá. Осхаръ кузѣр, вѣфкѣ, чхыфъ њанъ мур - хунывынкур ѣнтыр, хгер. Ёзроръ, хузухъ тугуръ ѣчѣр, зоосхуръ, шар, ѣнѣр; ѣнѣфкѣ, хуцъ п'нарнѣвыыцъ шыр: «ычѣхá, њѣныхъ вѣрк - хавр њ'арѣлá!» Хуцъ ычѣхъ ѣтр: «ѣнѣ - ѣхун-хож-ѣцá!» Хуцъ п'хнарнѣвыыцъ: «ѣнѣ намыръ жетъ сѣкъ ѣнѣхарыны!» Нѣ ѣтактохъ морхáнднá? Кыргызы муѣндхáнхнá!» Хуцъ ычѣхъ: «кыргызы мухáжр!»

10   нѣ жацыцъ жáрнылышá?»

Ху њѣвыыцъ чѣкхухыѣ п'ычѣхъ курá. Жагъ чхыв-туръ сѣкъ хгер, ѣнѣхарыр, п'ычѣхъ - туръ ѣнѣр, хароръ твѣгá ехыр, п'рафтохъ вѣрѣжгыр. Чáжъ кузѣр, вѣфкѣ. П'хнарнѣвыыцъ њеныцъ чхáр - таръ - ѣхымынкур ѣнтыр, чѣкхокыѣ есѣр, ѣхур, жа-руръ сѣкъ ѣнѣхарыр. Чáжъ хуныхъ вѣфкѣ, тав - ѣáхртохъ вѣр, жуггá, ычѣхъ њеныцъ

15   мамъ њѣныцъ хатъ хунывыт. Хуцъ ычѣхъ-кѣн, хуцъ мам-хѣнъ хур; ѣзи туръ хер, ѣнѣхарыр.

Хуныхъ кузѣр, ехыр - вѣр. П'шафтохъ жуггá, п'хнарнѣвыыцъ њеныцъ хунывыр. Мызъ њѣвыыцъ ѣтр: «чѣ жацъ шырѣжугынднá?» Ху њѣвыыцъ: «нѣ тузухъ ч'еръ кутъ ѣнѣхарындра.» Мызъ њѣвыыцъ озѣр, ухмуфкѣ, хуцъ унѣркъ кур, 20   хароръ шоркузѣр, шувр, выкызрá; хароръ твѣгá, жугыр, ѣнѣрá, тамхъ - тарá, хароръ твѣгá, п'рафтохъ вѣрѣжгыр. Ёрѣыцъ - мамъ озѣр: «оѣлá! чѣ вѣр - ѣхмундъ жанó?» Мызъ њѣвыыцъ: «нѣ вѣт - ѣхмунд; ѣхтотъ шувыт, выкызтá, хатотъ

повенно пишеть слитно, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы ихъ отдѣляемъ тѣмъ же знакомъ. Этотъ же знакъ мы употребляемъ, когда въ словѣ какой-нибудь гласный повторяется нѣсколько разъ съ паузами для большей изобразительности, наприм., ё - е - хѣ — «вонъ туда!». Простѣйшія составныя слова, какъ напр., двойные глаголы и существительныя мы изображаемъ по большей части слитно. Удвоенія, какъ полныя, такъ и сокращенныя, мы всегда раздѣляемъ посредствомъ «тире». Знакъ долготы (—) означаетъ интонированную продолжительность.

При сліяніи словъ, когда произошла элизія гласнаго, мы употребляемъ обычный знакъ апострофа (').

П о э м а.

Старикъ одинъ, молодой человекъ одинъ (были), вдвоемъ только жили. Нашъ человекъ¹ рыбу ловить пошелъ, гоа² одного убилъ, принесъ; сваривъ, снялъ *съ ома*, своего старика не накормилъ нисколько.

Этотъ старикъ заплакалъ. Разсердившись вышелъ, *домо* ходилъ, мед- 5
вѣдя одного мертвымъ лежащаго увидѣлъ, взялъ. Снявъ шкуру, онъ здѣсь огонь разложилъ, порѣзалъ *его*, жарилъ, ѣлъ; *посль того какъ онъ домо*
ѣлъ, тотъ юноша пришелъ: «Старикъ, немножко только меня накорми!»
Этотъ старикъ сказалъ: «Тобою убитаго гоа ѣшь!» Этотъ юноша *въ от-*
отъа: «Я вчера, его сваривъ, весь *безъ остатка* съѣлъ! Я какъ *въ жи-*
выахъ останусь (= живой буду)? Съ голоду *придется* умереть!» Этотъ
старикъ *говоритъ*: «Съ голоду помирай *себя*! я чѣмъ виноватъ буду?» 10

Этотъ человекъ ножомъ своего старика убилъ. Его медвѣжье мясо все взялъ, съѣлъ безъ остатка, своего старика мясо съѣлъ, потомъ покончивъ вернулся, въ свой домъ вошелъ. Опять вышелъ, *домо* ходилъ. Юношу одного, дрова рубившаго *усердно*, онъ увидѣлъ, ножомъ кольнувъ убилъ, его мясо все съѣлъ. Опять отсюда *далеко* пошелъ, къ дому одному подошелъ *и когда онъ* вошелъ, старикъ одинъ, старуха одна *тамъ* оказались. И этого 15
старика, и эту старуху убилъ; ихъ мясо сваривъ, *досыта* наѣлся.

Отсюда онъ вышелъ, назадъ пришелъ. *Когда онъ* въ свой домъ вошелъ, юноша одинъ оказался *тамъ*. Нашъ Гилыкъ (т. е. незнакомый юноша) сказалъ: «Ты зачѣмъ пришелъ (= пришедши вошелъ)?» Этотъ Гилыкъ *въ ототъа*: «Я здѣсь твоего отца³ убивъ съѣлъ». Нашъ Гилыкъ поднялся, *домо* боролся, этого людоеда убилъ, потомъ вынесъ, сжегъ, бросилъ; по- 20
томъ покончивъ вошелъ *въ домъ*, поѣлъ, табаку покурилъ, потомъ покончивъ, въ свой домъ⁴ вошелъ. Его мать - старуха поднявшись *спросила*: «Сынъ! твой походъ какъ (= ты какъ ходилъ воевалъ)?» Нашъ Гилыкъ: «Я ходилъ, воевалъ; убивъ, сжегъ, бросилъ, затѣмъ пришелъ.» — «Сынъ,

пшындра.»—«Оџла, нухтын винатэ!» Нухтыг, हुң тафтох пшыт, ивыг. «Ыма, ни ухмун виныңгра, ургур हुнывја! Ни ан тохр һаңа пшындра.» हु мам
25 ітр: «ни кыргыс муіхна!» Мыз ниџывың: «ургур हुнывја!»

Мыз ниџывың кузир, ви́кэ, пи́аң - пах - таф - һахр - тох вйр - југыр.
हुзми һылы - пи́аң - ычйх - ышың हुнывыр; ват - нахызир кызра, ја - ра́кнйхун
ват - ракын кызра. Озир, јаф ахр нух варара, јаг намых ахр керхур
парыра. «Антхó, һакрух чи пшындна?» Мыз ниџывың: «ни на! - һыта
30 - воныңта, черах ухмуи пшындра: чи кыхај, нихура; ни кыхај, чихуна!» हुң
ычх ітр: «млохыс ч'хаухариндра!» Мыз ниџывың: «ч'ват-нахзир чаи
ржызиркуинд!» Мыз ниџывың ерах вйр, ухмуфкэ, ихур; हुных кузир, ви́кэ.

Тамлаң - во - һахр - тох винга, һыта - фиң - таф - тох југга, чхыв һан
हुнывыр. हुң чхыф ітр: «антыха, чи һакрух пшындна?» Мыз ниџывың:
35 «ни отх - ми́ф - пи́ң - ниџывыңга!» हुң чхыф: «отх-ми́ф пи́ај, кузир вја! та ниң
тафтох југга!» Мыз ниџывың: «чхыф - тур аҗви́кэ, пшындра; чиң һавхыс
һиуң иви́ пшындра!» Ах ва сивур, шортур, ихывыр, ихыс һиур, кузир. Чхај
тарор, шорјугыр, шувра, ізра, твйр, зооохур, коһр; јерор, иһир, иһорр,
тви́га, кузир.

40 Тав-һахртох вйрјугга, чхыв һан, мам һеның, ычйх ының һат हुнывыт.
हुң ычх озир кхалар интыра: «оџла, пхачи́г - пхачи́г - ниџывың-һај вја!»
हुң чхыф кузирвйр. Ниһорр пшыр. Лави́ң - ло, орныр - ло, кылың - ло,
јохо - ло, колты - ло, сик хгер шорпшыр. Чај हुң ычх ітр: «һала, пхачи́г
- пхачи́г ми́к сик хгер шорпшыја!» Ах вйр, ми́к сик хгер шорпшыр. हुң
45 ычх: «антыха, һала кузир ухмуја!» Мыз ниџывың кузир, ухмуфкэ, изн сик
хухарыр.

Ах हुных ви́кэ. Тав - һахртох вйрјугга, ычйх ының हुнывыр. हुң
ычйх ітр: «антыха, чи һакрух пшындна?» Мыз ниџывың ітр: «ни на! - һыта
- воныңта, чи чамың-ло?» हुң ычх: «ни һылы - пи́а - чамыңта! Ё́ - ехо́стох
50 мабыр, накс квр, шортеҗар, нау вахыр, һ'ах лункја!» Мыз ниџывың
мабыр, накс квр, шортеҗар, нау вахыр, јупорр, јагах лункр. «Кби́, кби́,

давай переселиться⁵!». Переселились, въ тотъ домъ пришли, жили. «Матушка, я воевать *собираюсь* идти, прощай (= хорошо живи)! Я пять лѣтъ спустя приду.» Эта старуха сказала: «Я съ голоду умру!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Прощай!»

Нашъ Гилякъ вышелъ, *домо* ходилъ, въ большой каменный домъ одинъ вошелъ. Здѣсь внутри одинъ очень глубокой (большой) старикъ жилъ; желѣзные зубы *были у него*, его ногти желѣзные ногти *были*. Поднялся, его *волосы на борода* (борода) тоже иголкамъ подобны были, его волосы *на голову* (тоже) крючкамъ подобны были. «Гость, откуда ты пришелъ?» Нашъ Гилякъ: «Я изъ деревни, что по серединѣ бухты⁶, съ тобой воевать пришелъ: *если ты сильнѣе*, меня убьешь; *коли я сильнѣе*, тебя соубью!» Этотъ старикъ сказалъ: «*Цыликомъ* (съ ушами) тебя проглочу!» Нашъ Гилякъ: «Твои желѣзные зубы ударивъ *въ дребезги* разобью!» Нашъ Гилякъ къ нему подошелъ, *домо* воевалъ, убилъ; отсюда пошелъ, *домо* ходилъ.

Когда онъ въ одну большую деревню пришелъ и вошелъ въ находящійся по серединѣ домъ, *тамъ* медвѣдь одинъ оказался. Этотъ медвѣдь сказалъ: «Гость, ты откуда пришелъ?» Нашъ Гилякъ: «Я въ поганой землѣ живущій человекъ!» Этотъ медвѣдь: «*Если* въ поганой землѣ живешь, *то* събирайся! Въ нашъ домъ не входи!» Нашъ Гилякъ: «*Такъ какъ* медвѣжьяго мяса очень захотѣлось, *то* я пришелъ; *чтобы*, изъ васъ одного убивъ, съѣсть, я пришелъ!» Вотъ японскую саблю обнаживъ, онъ приблизился, сталъ рубить, убилъ его, вышелъ. Дровъ нарубивъ, принесъ *въ домъ*, *развелъ огонь* (зажегъ), шкуру снялъ, кончилъ, порѣзалъ *его*, поставилъ *варитъ*; сваривъ, ѣлъ; поѣвши, покончивъ, вышелъ.

Когда онъ въ домъ одинъ вошелъ, *тамъ* медвѣдь одинъ, старуха одна и старикъ одинъ оказались. Этотъ старикъ всталъ, поднялъ глаза, посмотрѣлъ: «Сынъ мой,⁷ за разными, разными людьми сходи!» Этотъ медвѣдь пошелъ. *Когда* убрали⁸, пришелъ. И амурскихъ жителей, и ороковъ, и тунгусовъ, и якутовъ, и гольдовъ, всѣхъ забралъ, *съ собой* привелъ. Опять этотъ старикъ сказалъ: «А ну-ка, разныхъ, разныхъ чертей, всѣхъ забравъ, приведи!» Вотъ онъ пошелъ, чертей всѣхъ забралъ, привелъ. Старикъ этотъ *говоритъ*: «А ну-ка, гость, выходи воевать!» Нашъ Гилякъ вышелъ, *домо* 45 воевалъ, ихъ всѣхъ перебилъ.

Вотъ онъ отсюда далеко пошелъ. *Когда* въ домъ одинъ вошелъ, старикъ одинъ *тамъ* оказался. Старикъ этотъ сказалъ: «Гость, ты откуда пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я изъ деревни, что по серединѣ бухты, а ты *не шаманъ-ли?*» Этотъ старикъ: «Я очень большой шаманъ! Вотъ туда (т. е. къ рѣчкѣ) спустившись, прутья нарубивъ, принесши, *пнау*⁹ наструживъ, меня заставъ шаманить (= пѣть)!» Нашъ Гилякъ пошелъ, прутья нарубилъ, принесъ, *пнау* настружилъ и, обвязавъ *ими шамана*, заставилъ

кбї! чї туных вїфкѣ, мánланг - унїрк - керох вїныцгрá; чї интыхáj, ватхе
 һаиндрá.» Мыз нїғывың итр: «ургур лужá! нїнкр шамрáцғн вїнднá? ургур
 индыжá!» Чáj лүфкѣ: «чї туных вїахáj, ватхерох вїахáj, тлеуáң оск азjá,
 55 һуң оск хержá: 'һалá, туң ватхе зоосхожá, н'ах вїнкjá! Мычкбїң кхаркх нїх
 ч'арїндрá' һар херражá!» Һуң чамаң ах твїр.

Мыз нїғывың кхорор озїр, вїфкѣ, һуң ватхерох вїгá, мағыр, һуңр:
 «оскá, шыжá, нї кхаркх ч'арїндрá!» Һуң оск шыр. «Һалá, оскá, туң
 ватхе зоосхожá! чї зоосхохáj, кхаркх нїх ч'арїндрá!» Ах кханых итр: «һалá,
 60 нїғывыңá, кхожá!» Мыз нїғывың ах кхор. Кхорор, јаһшїнгá, јоск итр:
 «һалá, кхаркх н'аржá!» Мыз нїғывың итр: «нї кхаркх хавридрá!» Һуң оск
 итр: «һалá, чї тох кур н'аржá!» Мыз нїғывың: «нї мрaңгїндрá, патнан
 кхаркх ч'арїндрá!» Һуң кханых вїр.

Мыз нїғывың вїфкѣ. Пїлáң - тав - һáхргох вїгá, һуң тафтох југыр:
 65 «һалá! рунд мїлк - нá тунд - таф - пїнтá, н'ерах ухмујá!» Тык - вaј - ух пїлáң
 пхыјк һан кузїр. Һуң пхыјк итр: «антхá, шáкрух шынднá? Кырыхáj,
 екхунг ирох мағыр, loимун кур инїжá!» Мыз нїғывың итр: «нї шáктох
 ихурá?» Ах мыз вїғывың мағыр; интыгá: пїлáң loим һан һунывыр. Мыз
 нїғывың ја-һáкї вор, ихур, шортѣжар, шар; иңрор, твїгá, ах вїр, вїфкѣ.

70 Мїф - чоңгр - ах - тох вїгá, тав - һáхр һунывыр. Һуң тафтох југнá,
 мыткбїң ычїх һеның һунывыр. Һуң ычх: «һалá, антхá, чї шáкрух
 шы-нїғывыңгá?» Мыз нїғывың итр: «нї нал' - һытá - воньцтá!» Һуң ычх
 итр: «айҗеј һаныгыр шыхáj, ургур итjá! Нї ч'рорвїндрá! Ёхос - п'фїң
 - мурох, һу мурох мағыр, југыр кхожá!» Мыз нїғывың кузїр, мағыр,
 75 һу мурох југыр, кхофкѣ. Осгá, јахзўң - ыгрың - керхн - пїр һунывыр. Ја
 - мý ахр үгѣ. Урмїф - пїр һунывыр.

Мыз нїғывың ах черјој, черјофкѣ. Кїкурух носклаң пфотї мағыр.
 Һуң пфоты вор, п'һаутах јупр евр, тлыерхнтох мағыр. Мағыфкѣ. Пїлáң
 - тав - һáхргох мағыр. Југнá, п'һаңнїғывыңкун тоҗ нїғывың һунывыт, тоҗ

его шаманить. «Охъ, охъ, охъ! Ты отсюда *когда далеко* пойдешь, въ неводъ могучаго людѣда попадешь; если посмотришь, желѣзный неводъ будетъ.» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Хорошенько шамань! Я какъ пойду? Хорошенько смотри!» Опять онъ *сталъ* шаманить (пѣть долго): «Ты отсюда *если* пойдешь, въ желѣзный неводъ *если* попадешь (придешь), бѣлаго зайца позови, этому зайцу скажи: 'А ну-ка, тотъ желѣзный неводъ разбей, меня 55 освободи (заставь уйти)! Маленькой сараной¹⁰ одной тебя накормлю', — такъ скажи!» Этотъ шаманъ вотъ кончилъ.

Нашъ Гилякъ выпавшись всталъ, далеко пошелъ и, въ этотъ желѣзный неводъ попавши, спустился, сѣлъ: «Заяць, приходи, я сараной тебя накормлю!» Заяць этотъ пришелъ. «А ну-ка, заяць, этотъ желѣзный неводъ разбей! *коли* разобьешь, сараной одной тебя накормлю!» Вотъ заяць сказалъ: «А ну-ка, Гилякъ, усни!» Нашъ Гилякъ вотъ уснулъ. *Когда* онъ вы- 60 спался и проснулся, его заяць сказалъ: «А ну-ка, сараной меня накорми!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «У меня сараны нѣтъ!» Этотъ заяць сказалъ: «Ну, ты, лося убивъ, меня накорми!» Нашъ Гилякъ: «Мнѣ лѣнь, завтра сараной тебя накормлю!» Этотъ бѣлякъ (*заяць*) ушелъ.

Нашъ Гилякъ *долго* ходилъ. Подошедши къ одному большому дому, онъ въ этотъ домъ вошелъ: «Эй! Какой чортъ въ этомъ домѣ живетъ, выходи на войну (воюй) со мною!» Изъ-подъ наръ большая выдра одна вы- 65 шла. Выдра эта сказала: «Гость, откуда ты пришелъ? *Если ты* голоденъ, вонъ туда къ рѣкѣ спустившись, форель поймавъ (убивъ) кушай!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «А я какъ её поймаю?» Вотъ нашъ Гилякъ спустился къ рѣкѣ; *когда* онъ посмотрѣлъ, *то* большая форель одна оказалась. Нашъ Гилякъ её за хвостъ (ея) поймалъ, убилъ, *домой* принесть, жарилъ; поѣвши, покончивши, онъ (вотъ) пошелъ, долго ходилъ.

Когда онъ до конца Головы Земли¹¹ добрался, *тамъ* домъ одинъ ока- 70 зался. *Когда онъ* въ этотъ домъ вошелъ, *тамъ* маленькій старичекъ одинъ былъ. Этотъ старикъ: «Эй, гость, ты откуда *пришелъ*?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я изъ деревни, что по срединѣ бухты!» Этотъ старикъ сказалъ: «*Если* жену искать пришелъ, хорошенько скажи! Я тебя повезу! Вонъ къ той моей (находящейся) лодкѣ, къ той лодкѣ спустившись и забравшись *въ нее, лягъ спать* (спи)!» Нашъ Гилякъ вышелъ, спустился, въ эту лодку забрался, долго спалъ. *Когда* онъ проснулся, *то* среди неизвѣстнаго чернаго моря 75 оказался. Его лодки же не оказалось. Онъ на островѣ очутился.

Нашъ Гилякъ вотъ заплакалъ, *долго* плакалъ. Сверху (*съ неба*) тонкій шнуръ спустился. За этотъ шнуръ ухватившись, обвязавши (свое) брюхо и держась *такимъ образомъ*, онъ на небо сталъ подниматься. *Высоко* поднялся. Въ большой домъ одинъ поднялся. *Когда онъ* вошелъ, *тамъ* молодыхъ людей пять человѣкъ оказалось, пять женщинъ оказалось, дѣтей

80 шанх хунывыт, еҕлуг ҕахр хунывыт; чо-рохо, гһа - рур - тохо нит. Мыз ниҕывың итр: «һалвэ, тур һ'арвэ!» Һу ниҕывыңкун итд: «каукрэ ч'аринтох! парк наныгыр ихур инија!» Мыз ниҕывың итр: «ни шаных наныгың ихун ивирја? Ни парк наныгыһај, чиң һ'ерах ухмуиндра!» Һу ниҕывыңкун кузит, ухмуфкэ, сик изи куһарыр.

85 Мыз ниҕывың п'рафтох југыр, һуң ычх кур. Һарор кузир, вифкэ, тамла - ниҕывыңкун-ворох вир, ытла - фиң - тафтох југыр. Һу ниҕывың итр: «антха, чи жаңр пшындна? ухмуил пшыһај, кузир - вивја!» Мыз ниҕывың итр: «ви ухмунтох агувдра!» Һу ниҕывың: «һала, кузир ухмуја!» Ах кузит, ухмуфкэ; мыз ниҕывың мур, һу ниҕывыңкун п'рафтох југыт. Һуны-
90 харҕа, мыз ниҕывың морһар, изи тафкун сик шувһарыр, изи хухарыр.

Һуных вифкэ, пилан - тав - һахртох вирјугыр, мам һеның һунывыр. Һу мам озир: «антха, шакрух пшындна?» Мыз ниҕывың: «ви отх-миф-ниҕывың-та!» Һу мам итр: «Чи жаңр - пшы - ниҕывыңтҕа?» Мыз ниҕывың: «ни айҕеј наныгыт пшындра!» Һу мам итр: «айҕеј наныгыр пшыһај, е-ехң пилан -
95 пал - фиң - шанхрох теҕар хгеја!» Мыз ниҕывың итр: «һыңка, теҕын хгеиндра!»

Ах кузир, теҕыфкэ, пилан - пал - наски - шхырох мангҕа, тав - һахр һунывыр. Һуң тафтох југгҕа, п'хнаршанх һеның һунывыр, верах һеның һунывыр. Һу верах итр: «һала, антха, чи жаңр ниң тафтох пшындна?» Ах
100 мыз ниҕывың итр: «ехң шанх хгеиныт пшывдра. Вераха! кузир һорох теҕар, иинднир шормаҕыр, һ'арја!» Верах кузир, теҕар, иинднорор, шормаҕыр, жарыр. Мыз ниҕывың һуң п'хнаршанх-хин роинд иинд; ивирор, твигҕа, кхоңһи хурор, чхнај, минр чхнај ајир: «Туң кхоңһи - чхнајхуна, туң таф хгың һ'ворох һ'шорвивја!» Һуң кхоңһи-чхнај таңар.

105 Мыз ниҕывың тафтох југыр: «Туң чхнај һ'шорвиил итиндра. Вераха, кузир, чхар таја!» Һу верах кузир, чхар тарор, шорјугыр, шувр, ракх һера, һарор јевр, јосир. Мыз ниҕывың - кин п'айҕеј - хин роинд иинд, һатот твигҕа, тхур ыэтта, ах кхоһарыт, һатот озит, кузит. Тынгҕа, п'рафхоми - фит хунывыт. Мыз ниҕывың п'рафтох пухтыр - вир.

трое оказалось; *они* и рыбу, и *дичь* (= звѣриное мясо) кушали. Нашъ Гпялькъ сказалъ: «А ну-ка, мясомъ меня накормите!» Эти люди сказали: «Не станемъ тебя кормить! Самъ поохоться, убей, кушай!» Нашъ Гпялькъ сказалъ: «Гдѣ я стану охотиться, убивать, *чтобы поѣсть?* *Если* мнѣ самому охотиться *приходится*, *то* вы со мной воевать будете!» Эти люди вышли, *домо* воевали, *онъ* всѣхъ ихъ перебилъ.

Нашъ Гпялькъ въ свой домъ *вернулся* (вошелъ), того старика¹² убилъ. 85
Потомъ вышелъ, *домо* ходилъ, въ *большое* (многолюдное) селеніе пришелъ, и въ домъ, находившійся въ *самой* серединѣ *селенія*, вошелъ. *Хозяинъ* (гпялькъ) этотъ сказалъ: «Гость, ты чего пришелъ? *Если* воевать пришелъ, убрайся вонъ!» Нашъ Гпялькъ сказалъ: «Я воевать не хочу!» Тотъ Гпялькъ: «Ну, выходи воевать *съ нами!*» Вотъ *они* вышли, *домо* воевали; нашъ Гпялькъ умеръ, а тѣ Гпялки (т. е. хозяинъ и его люди) въ свой домъ вошли. *Спустя нѣсколько времени* (= *посль того какъ они посидѣли въ домѣ*), 90
нашъ Гпялькъ ожилъ, всѣ ихъ дома сжегъ *до тла*, а ихъ перебилъ.

Отсюда *далеко* пошелъ, въ большой домъ одинъ вошелъ, старуха одна *тамъ* оказалась. Эта старуха поднялась *съ наръ*: «Гость, ты откуда пришелъ?» Нашъ Гпялькъ: «Я поганой земли человекъ!» Эта старуха сказала: «Ты зачѣмъ *пришелъ?*» Нашъ Гпялькъ: «Я жену искать пришелъ!» Эта старуха сказала: «*Если* ты жену искать пришелъ, вонъ на той большой горѣ живущую женщину (взобравшись) возьми!» Нашъ Гпялькъ сказалъ: «Хорошо, взобравшись 95
возьму!»

Вотъ *онъ* вышелъ, *домо* взбирался, *когда же онъ* на верхъ хребта большой горы поднялся, *тамъ* домъ одинъ оказался. Когда онъ вошелъ въ тотъ домъ, молодая женщина одна *тамъ* оказалась, поваръ (= рабъ) одинъ оказался. Рабъ этотъ сказалъ: «Эй, гость, ты зачѣмъ въ нашъ домъ пришелъ?» Вотъ нашъ Гпялькъ сказалъ: «Вонъ ту женщину я взять пришелъ. 100
Рабъ! иди, въ амбаръ взберись, приготовь закуску, принеси, меня накорми¹³!» Рабъ вышелъ, *въ амбаръ* взобрался, приготовивъ закуску, принесть, его накормилъ. Нашъ Гпялькъ и эта молодая женщина вмѣстѣ¹⁴ ѣлъ; поѣвши, покончивши, *онъ*, бузины нарубивъ, фигуры, восемь фигуръ сдѣлалъ: «О тѣ фигуры изъ бузины, этотъ домъ потащивши, въ мою деревню меня перенесите!» Эта фигура¹⁵ изъ бузины голову подняла (въ знакъ послушанія).

Нашъ Гпялькъ въ домъ *вернулся*: «Эта фигура сказала, *что* меня *до-* 105
мой перенесетъ. Рабъ, иди, дровъ наруби!» Этотъ рабъ вышелъ, нарубивъ дровъ, принесть, развелъ огонь, буду (маньчурское пшено) сварилъ, потомъ снялъ *съ огня*, разложилъ *по чашкамъ*. Нашъ Гпялькъ и его жена вмѣстѣ кушали, потомъ покончивъ, постель постлали, затѣмъ *отлично* выспались, потомъ встали, вышли. *Когда они* посмотрѣли, *то* оказалось, *что* находятся возлѣ своего¹⁶ дома. Нашъ Гпялькъ переселился въ свой домъ.

110   Југнѣ ирѣ - мам ары кырмыр हुнывыр: «оѣла, чо наныгыр и'арор, и'ах мункѣ!» Јеѣлуг чо наныгыр вѣр, ној мај хур, шорпшыр; јерор, јечѣр, јарыр. Ирор, твѣра; тамх - тарѣ, твѣра: «оѣла! кузѣр чхар тѣја; малхоцкѣр шарор и'шувѣ!»

Мыз иѣвыың кузѣр, чхар тар, харор твѣр. Југнѣ, ирѣ-мам муѣ - 115 - हुнывыр. Пѣрѣ хгыѣр, шоркузѣр, шувѣр, выкыѣр, харор југыѣр, п'аиѣј херыѣ: «и толниѣвыыңтох ухмун вииндрѣ, ѣамык ай ухмуиндрѣ. Верахкунѣ! чхар тан шувѣ, чо наныгың ихун ишѣ, һан हुнывѣ!»

Ва гер ихурѣ; ихви хгер ихурѣ; пунд гер шорѣ; пах-пулук хгер шорѣ, кузѣр; wat-чацѣи хгер ирѣрѣ. Виѣкѣ. Малхолѣц - во - и'ахртох винѣ, јеслѣцѣи 120 кхарыѣ, јеслѣцѣи иѣр: «и туных ииңгиндрѣ, чи вѣр ухмујѣ!» Мыз иѣвыың п'фунд орурѣ, иѣн таѣтѣрох вѣр. Мыз иѣвыың полахр: «толниѣвыыңкунѣ, кузѣн ухмувѣ!» Һуц толниѣвыыңкун кузѣт, ухмут, ухмуѣкѣ; иѣн сѣк хухарыѣ, п'сархур маѣыр. Посѣр.

Кхарор, оснѣ, илѣц - тав - ми - ѣѣр हुнывыр. Ја - рѣтхун сѣк јунхартѣ, 125 ја - ѣѣцкун унхартѣ. Кхалѣр тынѣц, илѣц толмѣлк чѣкхохыѣ еспѣр. Мыз иѣвыың ах муѣр.

Һуц толмѣлк зоосхур, јер; ирор, твѣр, теѣар, позѣр, кхар. Кхарор јашѣр, кхалѣр, тыкыѣр: мыз иѣвыың морѣар, озѣр, п'ѣа сѣвур, вѣр, ја-вѣур чевѣр. Һу мѣлк: «ыѣ-иѣаурѣ! рундѣ иѣ-иѣаур чевѣд?» Мыз иѣвыың 130 -вың ѣј јѣнгах чевѣр заѣвур. «Ы-ы-ыѣк! иѣ-иѣаѣ!» ѣј мыз иѣвыың јѣзоцхр квыѣр, ихур, харор кузѣр, вѣр, виѣкѣ, п'еслѣцѣѣрох вѣр ирѣрѣ. Јеслѣцѣи пуѣр.

Тлырох маѣыр, малхолѣц - во - и'ахртох винѣ, пѣр - ах - иѣ - таѣтох југыѣр, верѣх ииың हुнывыр. «Верахѣ! вѣр п'ызинкун керѣ, и'ахаи ухмуѣ 135 пшыѣур иѣѣ!» Һу верѣх кузѣр вѣр, харор пшыѣр: «антхѣ! и'ызинкун чѣрах ухмуѣ пшывдхунтѣ!» Мыз иѣвыың кузѣр. Ускитох кузѣнѣ, кхакхыѣ еспыт. Мыз иѣвыың муѣр. Һу иѣвыыңкун п'раѣтох ехыт виѣхѣрыт.

Мыз иѣвыың ѣј морѣар, вѣр, ухмуѣкѣ, иѣн сѣк хухарыѣ, п'еслѣцѣи сѣврѣ, п'ѣрох ехыѣр маѣыр. Југнѣ, јашѣј уѣгѣр: «вѣрахѣ! и'аиѣј јанку?»

Когда онъ вошелъ туда, его мать-старуха почти уже съ голоду умершей была: «Сынъ мой, рыбы наловивъ и меня накормивъ, дай мнѣ умереть!» Ея сынъ ловить рыбу пошелъ, двухъ гоевъ поймалъ, принесъ; сваривъ, снялъ съ огня, накормилъ её. Поѣвши, кончила; табакъ курила, кончила: «Сынъ мой! иди, дровъ наруби; много нарубивъ, сожги меня!»

Нашъ Гилякъ пошелъ, дровъ нарубилъ, потомъ кончилъ. Когда онъ вернулся, его мать-старуха уже мертвая была. Свою мать онъ вытащилъ, 115 повезъ, сжегъ, бросилъ, потомъ вернулся, своей женой сказала: «Я съ морскими людьми¹⁷ воевать пойду, семь лѣтъ воевать буду. Рабы! дрова рубя, будете жечь, рыбу лояя (= ища, убивая) будете ѣсть, такъ живите!»

Саблю взявъ, одѣлъ на себя; колчанъ взявъ, одѣлъ на себя; лукъ взявъ понесъ; каменный кастетъ взявъ понесъ, вышелъ; желѣзнаго оленя взявъ, сѣлъ верхомъ на него. Доло ѣхалъ. Когда онъ подѣхалъ къ большой деревнѣ одной, его олень остановился, его олень сказалъ: «Я отсюда убѣгу, 120 а ты иди, вой!» Нашъ Гилякъ свой лукъ согнулъ, къ преддверію ихъ дома подошелъ. Нашъ Гилякъ закричалъ: «Эй, люди морскіе, выходите на войну!» Эти люди морскіе вышли, воевали, доло воевали; онъ всѣхъ ихъ перебилъ и отправился отдохнуть (себѣ). Легъ.

Когда онъ выпавшись проснулся, то очутился въ большомъ домѣ. Его руки были (совсѣмъ) крѣпко на крѣпко связаны, его ноги связаны. Когда онъ, поднявъ глаза, посмотрѣлъ, большой морской чортъ¹⁸ его но- 125 жомъ кольнулъ. Нашъ Гилякъ вотъ умеръ.

Этотъ морской чортъ порѣзалъ его, сварилъ; поѣвши, покончилъ, забрался на ныри, легъ, заснулъ. Выпавшись, проснулся, поднявъ глаза, посмотрѣлъ: нашъ Гилякъ ожилъ, всталъ и, обнаживъ свою саблю, подошелъ, въ брюхо (ею) вонзилъ. Этотъ чортъ: «Ой мое брюхо! Кто-это мое брюхо кольнулъ?» Нашъ Гилякъ еще въ глазъ его кольнулъ, выбилъ. «Ой, ой, ой! Ой глазъ мой!» Еще Гилякъ нашъ голову его разрубилъ, убилъ, 130 потомъ отправился, пошелъ, доло ходилъ, къ своему оленю пришелъ и сѣлъ на него верхомъ. Его олень полетѣлъ.

Онъ на небо поднялся, и когда прибылъ въ большую деревню одну и вошелъ въ крайній домъ (находявшійся въ концѣ одной стороны), тамъ рабъ одинъ оказался. «Рабъ! иди, своимъ хозяевамъ сообщи; скажи, что я воевать пришелъ!» Рабъ этотъ пошелъ, потомъ вернулся: «О гость! мой 135 хозяева съ тобой воевать пришли!» Нашъ Гилякъ вышелъ. Когда онъ въ сѣняхъ очутился (вышелъ), его копьемъ кольнули. Нашъ Гилякъ умеръ. Эти люди обратно въ свой домъ окончательно отправились было.

Нашъ Гилякъ опять ожилъ, пошелъ, доло воевалъ, ихъ всѣхъ перебилъ, на своего оленя сѣлъ и въ свою деревню обратно пришелъ. Когда онъ вошелъ (въ домъ), его жены не оказалось: «Рабъ! гдѣ жена моя?» Рабъ

140 Верах ит̄: «ч'ан̄ѣй палнѣвыың хгендрá!» Мыз̄ нѣвыың ит̄: «halá, чi ишндвыр̄ и'ар̄já, ехунтах̄ чáх-пер̄ и'ахынкjá!» Ах верах̄ ишндвыр̄ жарра́, иеныч̄ чáх-пер̄ жахра́. Мыз̄ нѣвыың чáх тарор̄, твиг̄á, тамх тарá, харор̄ твиг̄á: «ни палнѣвыыңкунтох̄ вин̄ ухмуиндрá!»

Кузир̄, п'есла́ци хгер̄, ир̄прá. Теѣафкэ́, пилáц - тав - иах̄ртох̄ теѣар̄.

145 Югиг̄á, јан̄ѣй-хин̄ чхы́в-иан-хин̄ вајхут̄ кхот̄. Мыз̄ нѣвыың то́к-ро́к̄р̄ ви́р, вахы́с есп̄р, ихур̄, п'ан̄ѣй хгер̄, маѣыр̄, п'рафтох̄ југрá. Тамх тарор̄, кузир̄, һезнарох̄ теѣар̄, туск̄ һех̄ волур̄, чхнај ајир̄, харор̄ твиг̄á, ит̄: «туң чхнајхунá, ватхы́с и'рафты ајвэ! тың ырк̄ух̄ јајин̄ твивэ!»

Ах маѣыр̄, п'рафтох̄ југыр̄; и́рор̄, твир̄. Ах̄ кхорор̄, осн̄á, ват-та́вми-150 ф̄ир̄ һунывындхун̄. Фуру́.

сказалъ: «Твою жену лѣсной человѣкъ взялъ!» Нашъ Глякъ сказалъ: «Ну, 140 ты, закуску приготоливъ, меня накорми, вонъ тѣмъ черпакомъ меня напой!» Вотъ рабъ, приготоливъ закуску, его накормилъ, однимъ черпакомъ наполнилъ. Нашъ Глякъ, напившись воды, покончивъ, покуривъ табаку, потомъ покончивъ, *сказалъ*: «Я на лѣсныхъ людей войной пойду!»

Вышелъ, своего оленя взялъ, на него сѣлъ. *Долго ходилъ (о́з гору* поднимался), въ большой домъ одинъ взобрался. *Когда* онъ вошелъ, его жена и медвѣдь одинъ *вмѣстѣ* подъ однимъ одѣяломъ спали. Нашъ Глякъ *кра-* 146 дучисъ подошелъ, саблей кольнулъ, *медвѣдя* убилъ, свою жену взялъ, пошелъ, въ свой домъ *вернулся*. Покуривъ табаку, вышелъ, по близости подиляся *о́з гору*, срубилъ елку (одну), сдѣлалъ фигуры, потомъ покончивъ, сказалъ: «Эй, тѣ фигуры, сдѣлайте верхъ (т. е. *наружную часть*) моего дома изъ желѣза! Въ эту же ночь кончайте работу!»

Вотъ *онъ назадъ пошелъ* (спустился), въ домъ свой вошелъ; поѣвши, кончилъ. Вотъ *когда онъ* выспался и проснулся, они оказались находящи-150 мися въ желѣзномъ домѣ. Конецъ (сказано).

Примѣчанія къ переводу.

1. Т. е. молодой человѣкъ.

2. Гой — рыба изъ породы тайменей.

3. Незнакомый юноша былъ сынъ убитаго старика и жилъ въ другомъ домѣ со своей матерью, второй женой старика. Это обстоятельство, т. е., что вторая жена жила въ *особомъ* домѣ, даетъ основаніе думать, что содержаніе поэмы навѣяно жизнью айновъ, у которыхъ такой обычай составляетъ обыкновенное явленіе, хотя и у Глякъ онъ перѣдко встрѣчается.

4. Т. е. въ домъ, гдѣ онъ жилъ со *своей* матерью.

5. Т. е. въ домъ своего убитаго мужа.

6. Букв.: «я житель середины бухты» — обычный уклончивый отвѣтъ Гляковъ на вопросъ о мѣстожителствѣ.

7. Обращеніе относится къ медвѣдю, который былъ сыномъ старика. Вся семья принадлежала къ мифическому роду Пай-ниѣвыицъ (лѣсныхъ, горныхъ людей), которые являются то въ образѣ человека, то медвѣдя.

8. Т. е. убрали домъ по праздничному.

9. Инау — принадлежность культа: деревянныя стружки, которыми шаманы похлываютъ себя во время камланія.

10. Съѣдобный корень дикой лиліи.

11. Голова Земли — крайняя сѣверная оконечность западнаго берега о. Сахалина, м. Маріи.

12. Т. е. того старика, который его измѣнически пустилъ въ неизвѣстное море.

13. Букв.: «вышедши, въ амбаръ взобравшись, закуску приготовить, принесши, меня накорми!»

14. У Гилякъ, какъ у древнихъ римлянъ, совмѣстная ѣда (confarreatio) — одна изъ брачныхъ церемоній.

15. Старшая по сану фигура, повелительница остальныхъ.

16. Т. е. возаѣ дома, гдѣ юноша покинулъ свою мать.

17. Особая порода людей, обитающихъ въ морѣ и играющихъ важную роль въ демонологіи Гилякъ.

18. Среди «людей морскихъ», какъ и людей обыкновенныхъ, имѣются и злыя существа, морскіе черти.

Разборъ ста первыхъ словъ текста.

13. (стр. 2) Ычѣх¹⁾ = ѣчх — ‘старикъ’. Одною корня съ ѣтк — ‘отецъ’, причѣмъ т смягчилось въ ч, а к въ х, что составляетъ одно изъ обыкновенныхъ явленій гиляцкой фонетики. Звукъ х обычное окончаніе многихъ существительныхъ, напр., анх — ‘гость’, навх — ‘другъ’ и т. д.; Ычѣх — растяженная форма (см. § 7, е).

14. (стр. 2) нѣныцъ = нѣныцъ — количественное числительное ‘одинъ’. Употребляемое безъ существительнаго, оно принимаетъ краткую форму нѣн, напримѣръ, нѣн-бырѣк — ‘одинъ только’. Числительныя количественныя до пяти ставятся чаще всего послѣ существительныхъ, къ которымъ относятся. Количественное нѣныцъ употребляется исключительно при счетѣ людей, но нѣкимъ образомъ другихъ предметовъ одушевленныхъ или неодушевленныхъ.

Дѣло въ томъ, что въ гиляцкомъ языкѣ не только различные классы предметовъ, но часто и индивидуальныя предметы комбинируются исключительно только съ опредѣленными, имъ однимъ соответствующими разрядами количественныхъ числительныхъ. Прежде всего существуютъ четыре крупныхъ класса предметовъ, имѣющихъ каждый свой разрядъ числительныхъ:

1) *Классъ людей*. Этотъ классъ требуетъ слѣдующихъ количественныхъ (до пяти): нѣныцъ, мѣныцъ, чахѣр, нырн, торн.

1) Въ текстѣ: Ычѣх. Во избѣжаніе недоразумѣній оговариваемся, что въ текстѣ мы въ нѣсколькихъ словахъ, какъ Ычѣх, нѣ, нѣныцъ, нѣѣвыицъ, нѣнд, кузѣнд, озѣнд, папалатныне ч, н, з изображали безъ особенныхъ знаковъ (примѣняясь къ русскому произношенію этихъ звуковъ передъ і). Впредь (въ этихъ грамматическихъ примѣчаніяхъ и въ слѣдующихъ текстахъ) мы во всѣхъ случаяхъ папалатальность будемъ обозначать особыми знаками.

щается въ причастіе-прилагательное — ‘живущій въ моей деревнѣ, здѣшній’; 3) звукъ ѣ, какъ и близкій ему звукъ х, часто вставляется для благозвучія при слияніи личныхъ мѣстоименій нѣ, чѣ, нѣ съ другими словами, 4) звукъ ы послѣ ѣ — чисто вставочный, такъ какъ слово нѣѣвыицъ произносится и нѣѣвыицъ (краткая форма, см. § 7, е).

Еще яснѣе видно происхожденіе этого слова въ той его формѣ, въ какой оно употребляется въ западномъ нарѣчій, именно въ формѣ нѣвух, которая составлена изъ 1) нѣ — ‘мой’, 2) во = wo — ‘деревня’ и 3) ух — послѣлога, соответствующаго нашему предлогу ‘изъ’.

Такимъ образомъ, въ переводѣ на нашъ языкъ, Гилякъ самъ называетъ себя словомъ, соответствующимъ нашему ‘здѣшній’. Любопытно, что другой народъ Приамурскаго края — Орочи, называетъ себя словомъ нѣнѣ, что тоже означаетъ ‘здѣшній’ (отъ нѣ — ‘земля’ и нѣ — ‘человѣкъ’), т. е. человѣкъ здѣшней земли.

б) Теперь перейдемъ ко второму слову: п’нар). Самостоятельнаго прилагательнаго п’нар) — ‘молодой’ нѣтъ въ гиляцкомъ языкѣ. Слово это употреблено въ переносномъ значеніи. Образовалось оно изъ 1) мѣстоименія нѣ, соответствующаго нашему притяжательному ‘себя’ во всѣхъ падежахъ, причѣмъ і при слияніи подверглось эвзипі, и 2) глагола нанд — ‘брать, звать кого-нибудь’; п’нанд — ‘брать кого съ собою’ (горло-носовое произношеніе звука н при слияніи въ этомъ случаѣ исчезаетъ). Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія нд замѣнилось окончаніемъ ѣ, которое, въ качествѣ обычнаго окончанія герундія, употребляется для составленія сложныхъ словъ изъ глагола и имени. Такимъ образомъ п’нар)нѣвыицъ собственно означаетъ ‘человѣкъ, котораго берутъ или котораго можно брать съ собою’ (на охоту, рыбную ловлю, собираніе ягодъ и т. п.), иначе говоря, ‘подростокъ, юноша’ (Гиляки обыкновенно отправляются на промыслы въ сопровожденіи молодыхъ людей). Вмѣсто п’нар)нѣвыицъ встрѣчается краткая субстантивная форма: п’нах.

Вмѣсто п’нар) — говорятъ также п’хнар). Звукъ х, какъ мы говорили выше, часто вставляется для благозвучія при слияніи мѣстоименій нѣ, чѣ, нѣ съ другими словами, наприм., ч’хнаидр) — ‘возьму тебя съ собою’.

Замѣчательно, что и другіе синонимы слова ‘молодой’ тоже описательнаго характера, напр.: п’уты-ныицъ-нѣвыицъ — ‘свое тѣло (усы) увидѣвшій человѣкъ’, т. е. ‘юноша’.

16. (стр. 2) hat — ‘были’, отъ вспомогательнаго глагола нанд. Основа глагола ha получится, если отбросимъ окончаніе неопредѣленнаго наклоненія нд. Въ разбираемой формѣ hat конечное t есть флексія 3-го лица мн. ч. того прошедшаго времени, которое, въ отличіе отъ множества другихъ формъ прошедшихъ временъ, мы называемъ perfectum narrativum rigrum, предикативно-причастной формы.

Прежде чѣмъ разобрать эту форму, считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о характерѣ спряженій въ гиляцкомъ языкѣ.

I. Въ гиляцкомъ языкѣ есть двоякаго рода спряженія, которыя будемъ называть флектирующими и нефлектирующими.

А) Къ *нефлектирующимъ* принадлежатъ:

а) Тѣ формы спряженій, которыя во всѣхъ временахъ и лицахъ неизмѣнно сохраняютъ на концѣ окончаніе неопредѣленнаго наклоненія нд, и только для обозначенія мн. числа принимаютъ окончаніе хун. Единственное измѣненіе, которое допускается въ этомъ разрядѣ, это вставленіе между основой и окончаніемъ нд разнаго

рода инфиксовъ. Одни изъ нихъ, какъ *i* и *iny*, служатъ для обозначенія будущаго времени и несовершеннаго вида настоящаго времени, другіе служатъ только для обозначенія видовъ, но во всѣхъ случаяхъ окончаніе нд остается неизмѣннымъ.

b) Разговорныя формы спряженій съ неизмѣннымъ окончаніемъ ра, прибавляемымъ къ формамъ, указаннымъ въ предыдущемъ пунктѣ.

c) Формы на гра и игра.

d) Свообразныя формы, употребляемыя только въ прошедшемъ времени, съ окончаніями на фкѣ, ѣ, ы, о, ах, ак, як и т. п.

e) Условныя времена съ окончаніемъ на хаж.

f) Тѣ отрицательныя формы спряженій, которыя выражаются черезъ прибавленіе частицъ *lo* и *ly* къ основѣ того или другаго вида глагола.

g) Формы *coniunctivi concessivi* съ окончаніемъ на хажрѣ и многія другія.

В) *Флектирующія* формы спряженій представляютъ слѣдующія характерныя особенности:

a) Каждое время имѣетъ только двѣ отлчительныхъ флексій для обозначенія лицъ и чиселъ, а именно: одну для 1-го л. ед. ч. и всѣхъ лицъ мн. ч., а другую для 2-го и 3-го лица ед. ч. Изъ этого правила имѣется только одно исключеніе для одного рѣдко употребляемаго вида прошедшаго времени, которое имѣетъ въ первыхъ 2-хъ лицахъ обоихъ чиселъ окончаніе нд, а въ 3-емъ л. обоихъ чиселъ окончаніе д, прибавляемое прямо къ основѣ.

b) Многія формы съ однозвучными флексіями образовались изъ другихъ формъ съ двузвучными флексіями. Вотъ примѣры:

ТАБЛИЦА 2).

Глаголь вѣнд — 'ходить'.

Пр о ш е д ш е е в р е м я .

1. Образецъ спряженія съ *флексіями*, состоящими изъ *одного* звука (*Perfectum narrativum*).

2. Образецъ спряженія съ *флексіями*, состоящими изъ *двухъ* звуковъ (*Præsens-perfectum descriptivum*).

Е д и н с т в е н н о е ч и с л о .

1 л. и́и ви - т
2 л. чі́ ви - р̄
3 л. हुнд ви - р̄

1 л. и́и ви - та́
2 л. чі́ ви - ра́
3 л. हुнд ви - ра́

М н о ж е с т в е н н о е ч и с л о .

1 л. мы́и́н ви - т
2 л. чи́иц ви - т
3 л. і́и́н ви - т

1 л. мы́и́н ви - та́
2 л. чи́иц ви - та́
3 л. і́и́н ви - та́

2) Образцы, приведенные въ этой таблицѣ, принадлежатъ къ разряду предикативно-причастныхъ формъ, т. е. употребляются какъ въ значеніи изъявительнаго наклоненія, такъ и причастій и дѣепричастій.

Б у д у щ е е в р е м я .

3. Образецъ спряженія съ флексіями изъ *одного* звука.   4. Образецъ спряженія съ флексіями изъ *двухъ* звуковъ.

Е д и н с т в е н н о е ч и с л о .

1 л. ні ві - н	1 л. ні ві - на
2 л. чі ві - р̃	2 л. чі ві - ра
3 л. һунд ві - р̃	3 л. һунд ві - ра

М п о ж е с т в е н н о е ч и с л о .

1 л. мы́зн ві - н	1 л. мы́зн ві - на
2 л. чің ві - н	2 л. чің ві - на
3 л. і́зн ві - н	3 л. і́зн ві - на

Сравнивъ флексіи въ № 1 п 2, и № 3 п 4, мы съ перваго же взгляда приходимъ къ убѣжденію, что однозвукковыя флексіи образовались изъ соответствующихъ имъ двузвукovýchъ посредствомъ опущенія конечнаго гласнаго а. Явленіе это совершенно естественное во всякомъ языкѣ, а въ гляцкомъ въ особенности, такъ какъ крайняя, почти неспостижимая для европейца, быстрота рѣчи составляетъ характерную особенность этого языка, который поэтому долженъ былъ выработать рядомъ съ полными множествомъ усѣченныхъ (краткихъ) формъ, и именно послѣднія стали излюбленными формами связной рѣчи, какъ это мы увидимъ ниже.

II. Въ гляцкомъ языкѣ существуетъ *два* типа времени: чистыя и смѣшанныя — *тепрога руга* и *тепрога іпруга*.

А) *Смѣшанными* (іпруга) мы называемъ такія формы, которыя употребляются безразлично для двухъ или даже трехъ временъ; *чистыми* (руга) называемъ тѣ, которыя употребляются исключительно для *одного* опредѣленнаго времени.

Такъ, напримѣръ, нефлектирующія формы съ окончаніемъ на нд, о которыхъ говорили выше (I Аa), употребляются безразлично для выраженія прошедшаго и настоящаго времени (соотвѣтствуютъ прошедшему-совершенному въ американскихъ языкахъ, также въ юкагирскомъ). Такъ: ні вінд — значить 'я иду' и 'я пошелъ'.

Съ другой стороны, если въ этомъ глаголѣ передъ окончаніемъ нд вставимъ суффиксъ і, то получимъ форму ні віінд, которая выражаетъ и будущее время и настоящее несовершеннаго вида: ні віінд значить 'я пойду, я хожу', а также 'собираюсь идти'.

Если къ формѣ вінд прибавить разговорную частицу ра, то полученная форма ні віндра, смотря по смыслу, можетъ означать: 'я иду, я пошелъ и я пойду', хотя для выраженія будущаго времени чаще всего употребляется форма съ вставочнымъ суффиксомъ і: ні вііндра.

Формъ *тепрога іпруга*, сверхъ указанной, очень много въ гляцкомъ языкѣ. Таковы, напримѣръ, формы № 2 и 4 въ приведенной выше таблицѣ флектирующихся спряженій и многія другія.

В) *Чистыхъ* временъ (*тепрога руга*) тоже много. Таковы между прочимъ формы № 1 и 3 той же таблицы, далѣе нефлектирующія формы, приведенныя въ I Ad, и многія другія. Все эти формы относятся либо къ прошедшему, либо къ будущему времени. Настоящее время *чистое* (раесенс ругит) совсѣмъ несвойственно гляцкому языку, какъ и многимъ американскимъ и юкагирскому.

III. Далѣ, однѣ глагольныя формы могутъ быть въ предложеніи *только* сказуемыми, другія же могутъ быть не только сказуемыми, но и выполнять роль причастій и дѣепричастій, а нѣкоторыя употребляются сверхъ того и въ значеніи герундія, сущина (неопредѣленнаго наклоненія цѣли) и другихъ частей предложенія и рѣчи. Первыя мы называемъ — *предикативными* (modi praedicatorii), вторыя *предикативно-причастными* (modi praedicatorio-participiales).

А) Къ первымъ принадлежатъ прежде всего формы повелительнаго, желательнаго и условнаго наклоненій, далѣ отрицательныя формы сиряженій съ частицами Іо и Іу, нефлектирующія формы на ид, идра, гра, игра, ы, о, к, х, безличныя формы на ра и другія.

В) Ко вторымъ принадлежатъ множество формъ, къ которымъ между прочимъ относятся и образцы сиряженій, приведенные въ таблицѣ. Однѣ изъ этихъ формъ чаще исполняютъ функціи причастій и дѣепричастій, какъ, напримѣръ, № 3 упомянутой таблицы, другія чаще бываютъ сказуемыми, но и тѣ и другія одинаково употребляются въ обоихъ значеніяхъ.

Существованіе подобныхъ формъ никоимъ образомъ нельзя приписать бѣдности или малому развитію языка: наоборотъ, гиляцкіи глаголь поражаетъ обиліемъ формъ. Одна изъ причинъ этого явленія заключается въ томъ, что, влѣдствіе чрезвычайной быстроты рѣчи, Гилякъ обыкновенно нагромождаетъ массу простыхъ въ одномъ сложномъ предложеніи, и потому вынужденъ большую часть предложеній выражать причастными и дѣепричастными формами, которыя въ концѣ-концовъ отъ частаго употребленія стали излюбленными формами и для выраженія изъявительнаго наклоненія.

С) Одна изъ особенностей этихъ формъ заключается въ томъ, что въ качествѣ причастій, дѣепричастій, также и *supinum* онѣ согласуются съ подлежащимъ, измѣняясь по лицамъ и числамъ точно такъ же, какъ и въ изъявительной формѣ, напр. отъ глагола шонд — 'носить' *perfectum narrativum* будетъ:

въ изъявительной формѣ:	въ дѣепричастномъ согласованіи:
иі шо - т — 'я несъ'	иі шо - т југынд — 'я несъ вошелъ'
чі шо - р	чі шо - р југынд
хунд шо - р	хунд шо - р југынд
мызи шо - т	мызи шо - т југынд
чіц шо - т	чіц шо - т југынд
ізи шо - т	ізи шо - т југынд.

Такое согласованіе съ подлежащимъ составляетъ *общее* правило въ гиляцкомъ языкѣ: ему слѣдуютъ даже чистыя дѣепричастія и отглагольныя нарѣчія, если только онѣ поставлены въ флектирующей формѣ.

Примѣчаніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда флектирующія причастія и дѣепричастія не имѣютъ субъекта для согласованія, наприм., когда они стоятъ при неопредѣленномъ наклоненіи или служатъ для выраженія надеждъ герундія, они принимаютъ неизмѣнное окончаніе (флексію) р (для настояще-прошедшаго врем.) и н (для настояще-будущ. вр.).

IV. О другихъ особенностяхъ гиляцкаго глагола будемъ говорить по мѣрѣ надобности при разборѣ другихъ словъ, теперь возвращаемся къ разбираемому слову.

Форма *нат*, какъ мы говорили, есть 3 л. мн. ч. *perfectum narrativum* отъ гл. *шанд*. Сирягается по образцу № 1 таблицы, слѣдовательно, принадлежитъ къ числу

предикативно-причастныхъ формъ. Въ качествѣ сказуемаго (въ предикативномъ значеніи) форма эта служитъ исключительно для обозначенія прошедшаго времени (*tempus perfectum*); въ качествѣ же причастія и дѣепричастія она употребляется и для обозначенія настоящаго времени.

А) *Perfectum narrativum* является наиболѣе употребительной формой для изложенія фактовъ въ связной рѣчи разсказовъ, сказокъ, поэмъ и т. п. Обычная быстрота рѣчи у Гилякъ естественно облюбовала эту краткую, усѣченную (см. I Вв въ концѣ) форму, которая не только способствуетъ ускоренію рѣчи, но сверхъ того, въ качествѣ предикативно-причастной формы, даетъ возможность, не обременяя рѣчи, передавать и всѣ отбѣнки обстоятельственныхъ предложений.

В) Отмѣтимъ еще два случая употребленія разбираемой формы.

а) Она служитъ для обозначенія неопр. накл. дѣял (*supinum*), напр. *iii nánvngit vınd* — 'я охотиться пошелъ'.

б) Синтаксисъ гиляцкаго языка не допускаетъ рядомъ нѣсколькихъ глаголовъ въ предикативной формѣ, и потому, при подобномъ стеченіи глаголовъ, только главный (по смыслу) глаголъ ставится въ соответственномъ наклоненіи предикативной формы, а остальные — въ предикативно-причастной формѣ *perfectum narrativum*, если дѣйствіе относится къ прошедшему или настоящему времени; такимъ образомъ, всѣ глаголы, исключая главнаго, обращаются въ дѣепричастія. Напримѣръ, если мы хотимъ сказать: 'иди, приготовь закуску, привнеси (еѵ) и накорми меня', то это по гиляцки будетъ: *kužir' inindnyr' šormábyr' n'arjá!* (Только послѣдній глаголъ *n'arjá* — 'накорми' поставленъ въ предикативной формѣ повелит. накл., остальные въ предикативно-причастной формѣ *perfectum narrativum*). Если бы требовалось употребить будущее время, то вмѣсто *perfectum narrativum* слѣдовало бы поставить будущее краткое по образцу № 3 таблицы.

В. *hat* можно еще перевести выраженіемъ: 'столько ихъ', производя это слово отъ синонима *hand* — 'считать'. Тогда *hat* уже является дѣепричастіемъ; буквально: 'считая' или ближе къ смыслу предложения: 'столько ихъ'. Въ такомъ случаѣ все предложение можетъ быть переведено такъ: 'старикъ отецъ, юноша одинъ, столько ихъ тутъ жило'.

17. (стр. 2). *men* — 'два, двое', числительное, употребляемое только для класса людей. Поставлено въ усѣченной формѣ (полная будетъ *ménynci*) потому, что при немъ въ этомъ случаѣ нѣтъ существительнаго (см. § 14).

18. (стр. 2) *byrk* = *barc* = *varc* = *farc* — нарѣчіе 'только' и мѣстоименіе 'самъ'. Въ изолированномъ положеніи разбираемое слово гласитъ *parc*. Причина перехода гласнаго *a* въ *ы* лежитъ въ переносѣ ударенія на предыдущее слово *men* (см. § 7, ж). Что же касается начальнаго согласнаго *p*, то звукъ этотъ при звѣстныхъ условіяхъ переходитъ въ *b*, *v* и *f*. Комбинаторный переходъ *p* въ *b*, какъ въ разбираемомъ случаѣ, имѣетъ обыкновенно мѣсто при предшествіи звуковъ *n* или *r*. Примѣры: 1) отъ словъ: *čo* — 'рыба' и *пах* — 'камень' получаемъ: *čo - p - бах* = 'рыбный утесъ, богатый рыбой утесъ' (*p* вставлено для благозвучія); 2) разбираемый случай *mén byrk* (отъ начальнаго *pyrk*). Переходъ *p* въ *b* въ этихъ случаяхъ мы объясняемъ слѣдующими физиологическими основаніями. Въ звукахъ *n* и *r* обязательно участвуетъ гортань, въ звукѣ же *p* гортань вовсе не участвуетъ. За то звонкій согласный *b* явлению тѣмъ *p* отличается отъ глухого *p*,

что въ немъ гортанъ участвуетъ, такъ что, произошла звукъ н или р, мы этимъ самымъ порождаемъ уже слѣдующій звукъ б вмѣсто п.

Оставляя подробное изложеніе и объясненіе законовъ фонетики до изданія опыта грамматики, замѣтимъ теперь только, что фонетика гяляцкаго языка въ высшей степени подвижна: перемѣна звуковъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ, въ одномъ и томъ же діалектѣ, притомъ звуковъ самой отдаленной физиологической родственности, происходитъ съ такой непривычною для европейца легкостью, что способна сразу запугать изслѣдователя. Вотъ нѣсколько обыкновенныхъ примѣровъ: 1) отъ мѣстоименія $pi = p'$ — 'свой' и существительнаго чхыч — 'медвѣдь', получаемъ слово $pi'izgyc$ — 'свой медвѣдь'; 2) точно также отъ слова чха — 'деньги', получаемъ: $pe'sxa$ — 'свои деньги'; 3) отъ мѣстоименія i — 'его' и сущ. твѣрк — 'селезенка', получаемъ $i'rvirk$ — 'его селезенка'; 4) отъ мѣстоим. i и сущ. пшы — 'балаганъ', получаемъ: $i'vry$ — 'его балаганъ', или $pi'pshy$ — 'свой балаганъ'; 5) отъ гл. $i'rylynd$ — 'натягивать лукъ' получаемъ форму $shlyr$ (*perfectum passivum*), гдѣ р перешло въ ш только благодаря пропуску начальнаго i (плеонастическаго мѣстоименія при глаголахъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже).

Ограничиваемся этими примѣрами, такъ какъ въ дальнѣйшемъ будемъ имѣть случаи еще останавливаться на интересныхъ явленіяхъ этого рода.

19. (стр. 2). $hunyvyt$ — *perfectum passivum*, 3 л. мн. ч. отъ вспомогаг. глагола $hunyvynd$ — 'быть, пребывать, жить; *tutъ* быть; *tutъ* жить'. Онъ составленъ изъ глагола $ivnd = ivynd$ — 'быть' и нарѣчнаго префикса huy — 'здѣсь, тутъ, тамъ'. Очень часто въ рѣчи этотъ префиксъ вполне сохраняетъ свое знаменательное значеніе, и поэтому разбираемый глаголъ точнѣе переводить: 'здѣсь жить, тутъ жить'.

Такимъ образомъ мы уже успѣли убѣдиться, что гяляцкіе глаголы имѣютъ флексіи, суффиксы и префиксы, и слѣдовательно языкъ гяляцкій долженъ быть признанъ въ значительной степени флектирующимъ, хотя черты агглютинизма въ немъ довольно значительны, какъ это увидимъ ниже.

Глаголъ $hunyvynd$ произносится также: $hunyvund$, $hunevund$, $hunyvind$. Причины подобныхъ переходовъ гласныхъ указаны выше (§ 7, е).

20. (стр. 2). myz — собственно $myzn$ (и подверглось элизиі передъ слѣдующимъ и въ словѣ $ni'zvynt$) — личное и притяжательное мѣстоименіе 'мы, нашъ'. Измѣненіямъ по падежнымъ вопросамъ не подвергается; какъ самостоятельное мѣстоименіе (безъ слѣдующаго глагола или существительнаго) не употребляется, замѣняясь мѣстоименіемъ in .

21. (стр. 3). ch — 'рыба', вш. падежъ сходенъ съ именительнымъ. Вообще падежныхъ флексій, подобныхъ нашимъ, въ гяляцкомъ языкѣ не имѣется. Только звательный и. имѣетъ особыя окончанія на a , aj , ja , o . Въ одномъ случаѣ вш. и. прямого дополненія принимаетъ окончаніе ax , именно, если онъ подчиненъ глаголу залога, который мы называемъ *принудительнымъ* (*causativum*). Глаголы этого залога состояются изъ простыхъ глаголовъ дѣйствительнаго или средняго залоговъ съ прибавленіемъ вспомогаг. глагола $kund = gund = kynd = gynd$, соответствующаго французскому вспомогаг. глаголу $faire$, напр., отъ гл. $shynd$ — 'прійти, прійти' получается *принуд. залогъ*: $shyncynd$ — 'прислать'; отъ гл. $pi'ncid$ — 'звать за собою' получается $pi'ncikund$ — 'приказать прійхать къ себѣ; заставить прійхать'. Примѣры этихъ глаголовъ съ дополненіями на ax : $ni'mu$ - $huy-$

ах пшыңгвѣ! — ‘моп лодки пришлите!’ или иі Піхзун-ах п’ванкуіндра — ‘я Піхзуна заставаю прѣіхать’. Дательный надежъ безъ предлога выражается часто посредствомъ кажущейся флексіи рох, но это въ сущности послѣлогъ, употребляемый и для выраженія предложнаго и винительнаго мѣста.

Вообще же отношенія предметовъ между собою или дѣйствіи къ предметамъ выражаются либо мѣстомъ, занимаемымъ существительнымъ въ предложеніи, либо сложениемъ словъ, либо послѣлогами; о нихъ подробно ниже.

Во мн. числѣ существительныя принимаютъ суффиксъ хун, который не всегда обязателенъ и можетъ опускаться, если по самому смыслу число очевидно.

Въ одушевленныхъ предметахъ родъ не различается; въ одушевленныхъ родъ обозначается, въ случаѣ надобности, посредствомъ прибавленія соответствующихъ словъ, означающихъ: ‘самецъ, самка, мужчина, женщина’ и т. п., напр., отъ слова еѣланъ — ‘ребенокъ, дитя’ получаемъ: шанх-еѣланъ — ‘дѣвочка’ (шанх — ‘женщина’); аѣмыч-еѣланъ — ‘мальчикъ’ (аѣмыч — ‘мужина’); отъ чо — ‘рыба’ получаемъ: аѣх-чо — ‘самка-рыба’ (аѣх — ‘самка’); аѣр-ѣо — ‘самецъ-рыба’; или наѣх-шанх — ‘подруга’ (отъ наѣх — ‘другъ’ и шанх — ‘женщина’).

22. (стр. 3) наныгыр — ‘охотиться, на охоту’, отъ гл. наныгынд, 3 л. perfectum negativum; употреблено въ смыслѣ неопр. импл. цѣли (supinum; см. § 16, IV, Ba). Согласно указанному въ томъ же § 16 (III, C) правилу, разбираемая форма согласована въ этомъ случаѣ съ 3-имъ лицомъ подлежащаго ‘онъ’; въ 1-омъ л. было бы: иі наныгыт вит. Глаголь наныгынд составленъ изъ гл. нанд = нанд — ‘идти за чѣмъ-нибудь’ и вспом. гл. гынд, причемъ первый глаголь поставленъ въ причастной формѣ нан, а гласный ы играетъ роль соединительнаго.

Вообще въ гилацкомъ языкѣ очень легко бываетъ отличить сложный глаголь (въ основной его формѣ) отъ простого по числу слоговъ, потому что простые глаголы чаще всего бываютъ односложными словами; въ тѣхъ же случаяхъ, когда они вмѣютъ болѣе одного слога, это происходитъ либо отъ растяженія (см. § 7, e), либо отъ инкорпорации личныхъ мѣстоименій.

23. (стр. 3) вір — 3 л. ед. ч. perfecti negativi, отъ неопр. импл. видѣ — ‘итти’.

24. (стр. 3). hoj — названіе рыбы, называемой русскими на Сахалинѣ гоѣ.

25. (стр. 3). нан, колич. числительное — ‘одинъ’, употребляемое только для класса животныхъ, исключая человека (см. § 14); здѣсь, какъ и въ указанномъ §, числительное поставлено послѣ определяемого слова. Заслуживаетъ вниманія, что числительное въ этомъ случаѣ является плеоназмомъ, служа только для опредѣленія класса предметовъ, явленіе, совершенно аналогичное съ ролью мѣстоименныхъ членовъ въ американскихъ языкахъ.

26. (стр. 3). хур — 3 л. ед. ч. perfecti negativi, отъ гл. іхынд = іхунд — ‘убивать’ (см. § 7, ж). Относительно исчезновенія начального гласнаго і необходимо объяснить слѣдующую важную особенность гилацкаго глагола.

Многіе глаголы дѣйствительнаго залога, когда не вмѣютъ передъ собою никакого прямого дополненія, принимаютъ въ видѣ префикса мѣстоименіе і, соответствующее косвеннымъ надежамъ нашего мѣстоименія ‘онъ’, т. е. означающее: ‘его, ему’ и т. д.; (оно соответствуетъ также и притяжательному мѣстоименію ‘свой’). Если глаголь начинается съ гласнаго, то мѣстоименіе это сливается съ нимъ и образуетъ йотированный гласный, напр. отъ іринд — ‘кормить’ получается јринд; отъ уинд — ‘вязать’ получается јуинд, отъ онд — ‘варить’ — іонд = јонд

(и въ этомъ случаѣ выпадаетъ). Кромѣ мѣст. і, въ видѣ префикса, встрѣчается, хотя и рѣже, мѣст. е, напр., отъ гл. чмонд 'любить' получается ёсмонд. Въ сущности это явленіе аналогично съ явленіемъ сліянія мѣстоименій *le, la* во франц. яз. и *lo, la* въ итальянскомъ яз. съ глаголами, начинающимися съ гласнаго, но съ той важной разницей, что въ гиляцкомъ языкѣ мѣстоименный префиксъ і является часто простымъ плеоназмомъ, вовсе не означая непременно, что глаголь имѣетъ мѣстоименное дополненіе.

Наоборотъ, лишь только передъ глаголомъ стоитъ какое-нибудь прямое дополненіе въ видѣ существительнаго или другого мѣстоименія, кромѣ і, этотъ префиксъ обыкновенно исчезаетъ. Въ разбираемомъ случаѣ имѣется дополненіе *hoj*, и потому і исчезло.

По поводу глагола *ixund* — 'убивать' замѣтимъ, что корень его *kund*, *xund* очень близокъ съ юкагирскимъ глаголомъ того же значенія *кудэдд* (см. Образцы матеріаловъ по изученію юкагирскаго языка Гохельсона стр. 168, § 8), фактъ, заслуживающій быть отмѣченнымъ въ виду нѣкоторыхъ другихъ явленій близости между этими двумя языками.

27. (стр. 3) *шорпшыр* — 'принесъ' — 3 л. ед. ч. *perf. part.* Сложный глаголь, составленный изъ двухъ глаголовъ: *шонд* = *тонд* — 'носить' и *пшынд* — 'привести'. Первый, какъ это всегда бываетъ при сліяніи глаголовъ, ставится въ дѣе-причастной формѣ (*perf. partat.*); буквально *шорпшыр* значить: 'неся пришелъ = принесъ'.

Глаголь *шонд* = *тонд* въ гиляцкомъ языкѣ часто играетъ роль *основнаго* глагола и сливается, въ видѣ префикса, со многими глаголами въ одно нераздѣльное понятіе, напр., *шорјугынд* — 'внести', *шорвнд* — 'взять съ собою' и т. д. Этотъ же глаголь часто замѣняетъ предлогъ 'съ' и ставится, какъ послѣлогъ, послѣ существительнаго, къ которому онъ относится, напр., *пунд шорá* — 'съ лукомъ'.

Глаголь *шонд* заслуживаетъ еще особаго вниманія въ фонетическомъ отношеніи. Гиляки его безразлично произносятъ то *шонд*, то *тонд*. Это одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ той удивительной особенности гиляцкой фонетики, которая состоитъ въ томъ, что въ одномъ и томъ же словѣ, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, безъ всякихъ комбинаторныхъ или другихъ видимыхъ причинъ, данный согласный звукъ совершенно произвольно переходитъ въ тотъ или другой звукъ родственной ему фонетической группы. — Объ этой, какъ и о другихъ важныхъ особенностяхъ фонетики согласныхъ, мы поговоримъ ниже. Теперь же остановимся на комбинаторныхъ переходахъ интересующаго насъ звука *t*, переходахъ, крайне характерныхъ для фонетики согласныхъ вообще. Звукъ *t* способенъ переходить не только въ близкій ему *d*, но и въ *p*, *ш*, *ч*, *c* и *з*.

1. *t* переходить въ *p* въ началѣ слова:

1) при сліяніи съ предшествующимъ словомъ, оканчивающимся тоже на *t*, напр., отъ словъ: *ват* — 'жельзо' и *таф* — 'домъ' получаемъ слитное *ват-раф* — 'жельзный домъ'; отъ *тáтат* — 'дѣлны' и *хут* — 'тѣло' — *хут-ратат* — 'все тѣло';

2) при сліяніи съ предшествующимъ словомъ, оканчивающимся на *k*; напр., отъ словъ: *ытк* — 'отець' и *таф* — 'домъ' — *ытк-раф* — 'отцовскій домъ'; отъ *мілк* — 'бѣсъ' и *тернд* — 'быть одержимымъ' — *мілк-фрёрнд* — 'одержимый бѣсомъ, сумашедшій';

3) при сліяніи съ мѣстоименными гласными, напр., отъ ја — 'его' п таф — 'домъ' — јаѣраф — 'его домъ'; тот — 'рука', јаѣрот — 'его рука'; і — 'его', твѣрк — 'селезенка', і - рвѣрк — 'его селезенка';

4) при сліяніи съ предшествующими: ч' = сокращенному чі — 'твой, тебя'; н' = сокращ. ні — 'мой, меня'; п' = сокращ. пі — 'свой'. Примеры: тѣрвѣнд — 'братъ съ собою', ч'рѣвѣнд — 'тебя взять съ собою'; таф — 'домъ', ч'раф — 'твой домъ'; тувнд — 'жечь', ч'рувнд — 'тебя жечь'; тур — 'мясо', ч'рур — 'твое мясо'; тамх — 'табакъ', н'рамх — 'мой табакъ'; тувн — 'братъ', н'рувн — 'мой братъ'; таф — 'домъ', н'раф — 'мой домъ'; тај — 'трубка', н'рај — 'моя трубка' и т. д.;

5) въ случаяхъ редуPLICATIONИ, когда цѣлое слово или часть его (обыкновенно основа) двукратно повторяется, т (въ удваиваемомъ слогѣ) по закону диссиміляціи переходитъ въ р, напр., тѣв - раф — 'срубообразно' отъ таф — 'домъ, срубъ'; тохъ - рохнд — 'отрѣзать' отъ тохнд — 'рѣзать'.

II. т переходитъ въ ш:

1) въ началѣ слова при сліяніи съ предшествующимъ мѣстоименіемъ п' = пі — 'свой', напр., п'шаф — 'свой домъ', хотя можно и п'раф; ту — 'саия', п'шу — 'свои саия' и т. д.;

2) при стеченіи согласныхъ въ началѣ слова, напр., отъ слова інтынд — 'видѣть' получаемъ форму ншынд, гдѣ, благодаря потерѣ мѣстоименія і, звуки нт очутились въ началѣ слова, и потому т перешло въ ш;

3) при сліяніи съ предшествующимъ словомъ, оканчивающимся на ы: напр.: пѣмы — 'дельфинъ' и том — 'жиръ', пѣмы - шом — 'дельфиннй жиръ'.

III. т не измѣняется при сліяніи, если ему предшествуютъ звуки х или р. Примеры: іаңгр - том — 'тюлений жиръ'; но: пѣмы - шом — 'дельфиннй жиръ'; тамх - танд — 'табакъ курить (пить)'; но: чај - ранд — 'чай пить'.

Ограничиваемся пока приведенными примерами закономѣрныхъ переходовъ согласныхъ звуковъ.

Сдѣлаемъ только одно заключительное замѣчаніе. Закономѣрность не исчерпываетъ всей подвижности гиляцкой фонетики. Тонко развитая потребность мѣнять звуки известной группы при первомъ физиологическомъ стимулѣ выработала у Гиляка такую легкость въ обращеніи съ ними, что часто и безъ всякой физиологической необходимости происходитъ замѣна звуковъ однихъ другими. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ гиляцкихъ діалектахъ часто единственными различіями служатъ различія въ звукахъ одной физиологической группы; такъ напр., въ Тымовскомъ діалектѣ ырки - іа — 'попутный вѣтеръ', а въ Западномъ — ырки - іа, или въ одномъ діалектѣ ыри — 'сѣверный вѣтеръ', въ другомъ ыды и т. п. Въ этихъ случаяхъ никакого въ сущности перехода звуковъ и нѣтъ.

Поразительно то, что въ одномъ и томъ же діалектѣ, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, часто въ одномъ и томъ же словѣ употребляется безразлично тотъ или другой звукъ. Такъ названіе селенія Танги произносится безразлично Тѣңги и Шѣңги; или Руі и Дуі (тоже названіе селенія); чранд и тланд — 'горбуша' (рыба); шонд в тонд — 'носить'; танд п шанд — 'рубить'; ранд, танд, шанд — 'пить'; хенд, генд, кенд, хгенд — 'братъ' и т. п. Но эта подвижность звуковъ не охватываетъ всѣхъ словъ лексикона, что вызывается необходимостью отличать значеніе сходныхъ по звукамъ словъ. Есть много словъ, не поддающихся звуковымъ измѣненіямъ даже по діалектамъ, напр., тунд — 'взбираться', вѣнд — 'ходить' и т. п.

Съ другой стороны одни слова мѣняютъ свои звуки на всѣ звуки той же физиологической группы, другія только на нѣкоторыя; такъ отъ слова пах — ‘камень’ имѣемъ: фах, въ соединеніи — п’фах — ‘свой камень’; бах, въ соединеніи чѣ - р - бах — ‘рыбный утесъ’, но не вах, ибо вах въ соединеніяхъ нѣс - вах, мѣс - вах и т. д. означаетъ ‘поколѣніе’; наоборотъ, отъ слова пал — ‘гора’ мы имѣемъ вал, балъ и фал, напр., налу - вал — ‘гора въ бухтѣ’ и т. д. Слово шанх — ‘женщина’ встрѣчается и въ формѣ ранх (ның ранх — ‘эта женщина’), но родственное по корню слово рацъ — ‘сестра’ не даетъ примѣровъ измѣненій и т. д.

28. (стр. 3) јерѳъ — ‘сларивъ’. Начало собственно һенд — ‘варить’, но съ прибавленіемъ, въ видѣ префикса, плеонастического мѣстоименія і, вследствие отсутствія прямого дополненія (см. § 26), получается форма і - һенд = јенд (і становится неслышимымъ при этомъ слияніи). При наличности прямого дополненія глаголъ опять принялъ бы основную форму һенд, напр., чо һенд — ‘рыбу варить’.

а) Разбираемая форма јерѳъ — дѣепричастіе давнипрошедшаго времени дѣйств. залога и, какъ многія дѣепричастія въ гяляцкомъ языкѣ, измѣняется по лицамъ и числамъ въ зависимости отъ подлежащаго.

	Ед. число.	Мн. число.
1	иі је - тѳт	мызи је - тѳт
2	чи је - рѳр	чиң је - тѳт
3	һунд је - рѳр	изи је - тѳт.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ эта форма употребляется также для выраженія изъяснительнаго наклоненія. Такъ въ поговоркахъ западнаго нарѣчія мы встрѣчаемъ такое выраженіе: иірѳр іиіны тѳрѳр — ‘кушала безъ конца’; буквально: ‘кушая, излишка не вѣдала (отъ иіинд — ‘кушать’, іиіны — ‘слишкомъ’, тѳрѳрнд — ‘не звать’).

б) Образование этой формы дѣепричастія и въ частности окончаній тот, рѳр очень любопытно.

Вспомогательный гл. һанд — ‘быть’ (см. § 16) образовала цѣлый рядъ нарѣчій въ родѣ: һангѳ, һанá, һафкѣ, һарá, һатѳт, һарѳр) и т. п., которыя означаютъ: ‘потомъ, послѣ того, уже’ и т. д. Отъ присоединенія этихъ нарѣчій къ основамъ глаголовъ образовалась большая часть временъ и дѣепричастій въ гяляцкомъ языкѣ. Такъ какъ этихъ нарѣчій въ языкѣ масса, то оттуда и масса глагольных формъ. Присоединеніе этихъ нарѣчій къ тѣмъ или другимъ глаголамъ происходитъ двоякимъ образомъ: либо по способу агглютинаціи, т. е. нарѣчіе приставляется цѣликомъ къ той или другой формѣ глагола; либо по способу флективизаціи, а именно, глаголъ даетъ только свою основу, а нарѣчіе — окончаніе, причеиъ основа глагола һанд (һа) совершенно терлется. Такимъ образомъ получились формы ві - һгѳ, ві - фкѣ, ві - тѳт, ві - рѳр) и т. д. отъ гл. вѳнд — ‘ходить’. Заслуживаетъ особаго вниманія, что до настоящаго времени сохранились и полныя формы, въ которыхъ указанія нарѣчія (һагѳ, һафкѣ и т. д.) присоединяются къ глаголу въ неизмѣненномъ видѣ: рядомъ съ формами тиша вѳнѳ, һафкѣ и т. д. мы встрѣчаемъ параллельно: вѳнд - һагѳ, вѳнд - һафкѣ и т. д., — явленіе, наглядно рисующее процессъ эволюціи грамматическихъ формъ.

Конечно, естественнѣе всего предположить, что глаголы приняли упомянутыя суффиксы (фкѣ, һгѳ, һá, рѳр), тѳт, и т. д.) совершенно самостоятельно отъ вспомогательнаго һанд, тѣмъ болѣе, что суффиксы эти безъ сомнѣнія въ свою очередь нѣкогда были знаменательными словами.

Но на мысль, что суффиксы эти первоначально присоединялись къ *һанд*, а потомъ только черезъ этотъ послѣдній соединились съ остальными глаголами, навели меня слѣдующія соображенія.

1) Среди текстовъ, записанныхъ мною, есть такіе, которые изложены болѣе древнимъ языкомъ, такъ, какъ они передавались неизмѣнно изъ рода въ родъ. Въ этихъ именно болѣе древнихъ текстахъ мы, вмѣсто простыхъ глагольныхъ формъ съ суффиксами, чаще всего встрѣчаемъ сложныя формы съ упомянутыми нарѣчіями и другими формами, производимыи отъ *һанд*. Наоборотъ, въ текстахъ новѣйшихъ сложныя формы встрѣчаются очень рѣдко, изъ чего естественно заключить, что сложныя формы съ *һанд* были первоначальными, изъ которыхъ образовались новѣйшіе суффиксированные.

2) Существованіе, напр., такихъ параллельныхъ формъ, какъ *ма́інындхун* (Тымовск. нарѣчіе) и *ма́ініһандхун* (Восточн. нарѣчіе) — 'собираются подняться' пл: *ма́інын* (Тым. нар.) и *ма́інын-ях-һан* = *ма́іны-ях-һан* (Восточн. нар.) — 'поднимусь'.

3) Существованіе такихъ сложныхъ формъ, въ которыхъ производныя отъ *һанд* являются плеоназмомъ, повторяющимъ только въ *полной* формѣ суффиксы предшествующаго самостоятельнаго глагола, напр.: *ген* — *һан* — 'возьму' (*ген* — будущее отъ *генд*, см. таблицу).

Всѣ эти соображенія заставляютъ меня думать, что былъ періодъ въ развитіи гиляцкаго языка, когда вспомогат. гл. *һанд* — 'быть', какъ и другой вспомогат. гл. *анд* — 'дѣлать', прибавлялся, какъ плеоназмъ, ко *всякому* глаголу, какъ это бываетъ съ числительными и мѣстоименіями по отношенію къ существительнымъ, (не отсюда ли *однообразное* окончаніе неопредѣленнаго наклоненія на *нд*, а нѣкоторыхъ даже на *анд*?); поэтому суффиксы первоначально принималъ только вспомог. гл. *һанд*, занимавшій мѣсто *послѣ* основнаго глагола, который всегда оставался безъ замѣнѣній, а съ постепеннымъ исчезновеніемъ этого плеоназма, вслѣдствіе естественнаго стремленія языка къ сокращенію формъ, при глаголахъ остались одни суффиксы, живые свидѣтели исчезнувшаго *һанд*.

29. (стр. 3). *јечѣр* — 3 л. ед. ч. *perf. part.*, отъ *јечѣд* — 'снять съ огня': начальное *і* — плеонастическое мѣстоименіе (см. § 26).

30. (стр. 3). *п'ычѣх* — 'своего старика'; *п'* — мѣстоименіе *пі*, въ которомъ *і* подверглось элизи при обычномъ слияніи (инкорпорациі) со словомъ, къ которому относится. *Пі* имѣетъ слѣдующія значенія: 1) возвратнаго 'себя', употребляется, какъ и въ русскомъ языкѣ, при всѣхъ лицахъ и числахъ; 2) притяжательныхъ 'свой, своя, свое' и т. д. — тоже при всѣхъ лицахъ и числахъ; 3) опредѣлительнаго мѣстоименія 'самъ'. Сверхъ того, оно часто употребляется въ качествѣ универсальнаго, такъ сказать, личнаго и притяжательнаго мѣстоименія, замѣняя эти послѣднія во всѣхъ лицахъ и числахъ.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что разбираемое мѣстоименіе, какъ впрочемъ и другія притяжательныя, въ гиляцкомъ языкѣ часто прибавляются къ именамъ и глаголамъ въ видѣ чистаго плеоназма, принимая скорѣе характеръ члена, чѣмъ мѣстоименія, напр., *п'һѣмар-кин* и *п'һѣмайх-кин* *һушыфкѣ* — 'старикъ со старухой долго жилъ'. Или вотъ примѣръ слиянія съ глаголомъ въ словахъ: *п'отнд* = *јотнд* — 'шить', гдѣ къ коренному глаголу *отнд* префиксированы плеонастическія мѣстоименія *пі* или *і*. Въ разбираемомъ словѣ *п'ычѣх* *п'* тоже является плеоназмомъ,

и его съ полнымъ правомъ можно было бы разсматривать какъ простой членъ (article). Эта особенность въ мѣстоименіяхъ гилацкаго языка совершенно тождественна съ подобнымъ явленіемъ въ американскіхъ языкахъ.

Поставленное въ началѣ слова и сливаясь съ нимъ, п' часто измѣняетъ фонетику слѣдующаго за нимъ звука и значительно затрудняетъ пониманіе разговорной рѣчи, напримѣръ, отъ пі-чо получается п'со 'его рыба', отъ пі-чхыф получается п'бізгыф — 'его медвѣдь' и т. п.

Пі служитъ также для образованія возвратнаго залога изъ дѣйствительнаго, напр., отъ гл. зунд — 'мыть', получаемъ глаголъ п'сунд — 'мыться'.

Пі принимаетъ послѣ себя послѣлоги, чаще всего рох, сливаясь съ нимъ въ п'ѣрах, сокращ. п'ерх — 'себѣ'.

31. (стр. 4) *árin* - тох хавырыр — 'не накормил'. Отрицательная форма спряженія (perf. narrat.) отъ гл. *árinđ* — 'кормить'. Она составлена изъ 1) неопр. накл. спрягаемаго *árinđ*, въ которомъ конечное д подверглось элизию при слияніи съ послѣгогомъ тох; 2) изъ надежнаго послѣлога рох = тох, — обыкновенно прибавляемаго къ именамъ для обозначенія преимущественно понятія надежда дательнаго, но также и предложнаго и впительнаго мѣста, — причемъ начальное р перешло въ т послѣ элизированнаго д въ словѣ *árinđ*; и 3) изъ отрицательнаго вспомогательнаго глагола хаврид — 'не быть, не имѣть, не дѣлать', поставленнаго въ perf. narrativum.

а) Такимъ образомъ въ разбираемой нами отрицательной формѣ спряженіи главный глаголъ обращается какъ бы въ существительное и ставится въ дательномъ падежѣ, а отрицаніе выражается посредствомъ спеціальнаго отрицательнаго глагола, который, въ качествѣ сказуемаго, измѣняется по наклоненіямъ, временамъ, лицамъ и т. д. Если бы, напр., то же предложеніе пришлось бы поставить въ условномъ наклоненіи, то илчего не измѣнилось бы въ конструкціи, исключая того, что отрицательный глаголъ принялъ бы окончаніе условнаго наклоненія хай: *ni árinđtoх хавр-хáj* — 'если бы я не накормил'.

Вмѣсто отрицательнаго гл. хаврид употребляется много и другихъ глаголовъ съ тѣмъ же значеніемъ, какъ напр., *uigind*, *laxčind*, *káuk* (отъ гл. *ħauind*), и др.

б) Но есть и другія формы отрицательныхъ спряженій. Простѣйшая изъ нихъ отличается отъ описанной формы только тѣмъ, что главный глаголъ ставится въ обыкновенной, утвердительной формѣ, безъ всякаго послѣлога, такъ что вмѣсто *árinđtoх хавырыр* можно сказать *árinđ хавырыр*.

в) Другая форма отрицательнаго спряженія образуется посредствомъ отрицательной частицы *lo* или *ly*, притомъ двоякимъ образомъ:

1) частицы эти или прибавляются къ флектирующимъ формамъ на т, р̄ (см. § 16, таблицу, № 1), не измѣняя послѣднихъ, наприм.: *ni árinđt-lo* (настоящее-прошедшее), *ni árit-lo* (perfectum purum);

2) или онѣ сливаются съ глаголомъ, который при этомъ теряетъ окончаніе *nd* и остается только въ формѣ основы, напр.: *ni ári-ly* (настояще-будущее время), рядомъ съ формой *árinđnt-lo*.

Важно отмѣтить, что частица *lo* является сокращеніемъ самостоятельной отрицательной формы *narló* (отъ гл. *hand* — 'быть'), напр.: тунд *ni ħıvyıñ narló* — 'это не Гилакъ'; но и форма *narló* въ свою очередь встрѣчается, какъ простая

частица при другомъ отрицательн. глаголъ, напр., *ни ныщъ хаврид харлб?* — 'неужели ничего не найду?' — Ср. § 28.

Примѣчаніе. Формы, подобныя *аріныт*, *аріиыт*, образуются изъ основы неопр. накл. настояще-будущаго вр. (характеристикой котораго служитъ суффиксъ *ны*, *ины*, передъ окончаніемъ *нд*) + флексія *т* или *р*, напр. отъ *арінынд*: основа *аріны* + флексія *т* = *аріныт*.

г) Будущее время, а также и повелительное наклоненіе имѣютъ сверхъ того особую форму отриц. спряженія, которая составляется изъ отриц. частицы *та*, стоящей всегда впереди глагола, и обыкновенныхъ утвердительныхъ формъ спрягаемаго глагола, напр., отъ глагола *арінд* повелительное-отрицательное: *та арjá* (утвердительно: *арjá*); будущее вр. отрицательное: *ни та аріиנד* (утвердит.: *ни аріиנד*). Частица *та*, вѣроятно, есть сокращеніе гл. *та́ррунд* — 'не знать'.

Но сказаннымъ далеко не исчерпывается все разнообразіе отрицательныхъ спряженій въ гиляцкомъ языкѣ.

32. (стр. 4) *чиг* = *зиг* — неопредѣленное мѣстоименіе 'ничто, несколько, что-нибудь'; по значенію своему соответствующее французскому *rien*. Въ соединеніи съ отрицательными мѣстоименіями или именами вообще, оно обращаетъ лхъ въ слова съ отрицательнымъ значеніемъ; напр.: *рунд* — 'кто, что', *рундзиг* — 'никто, ничто'; *нат* — 'кто', *натзиг* — 'никто'; *аріѳ* — 'примѣръ', *аріѳчиг* — 'нарочно'; отъ словъ *мұбыв* — 'день' и *ырк* — 'ночь' въ соединеніи съ *чиг* получаемъ отрицательное выраженіе: *мұбывчиг ыркзиг* — 'по цѣлымъ днямъ и ночамъ' (т. е. ни дня, ни ночи не отдыхая).

33. (стр. 5). *хуң* = *хунд* = *хун* = *ху* — указат. мѣстоименіе 'этотъ, тотъ', также личное мѣстоименіе 'онъ'; мн. ч. *хундхун*.

34. (стр. 5). *черјорá* — 'заплаваль', отъ гл. *чёрјонд*; 3 л. ед. ч. *praesentis-perfecti descriptivi*. Образецъ спряженія см. таблицу № 2.

Форма эта — предикативно-причастная, флектирующая и принадлежитъ къ *tempora impura*. Употребляется для выраженія какъ настоящаго, такъ и прошедшаго времени (*praesens-perfectum*), а именно въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ началѣ разсказа для изображенія вступительныхъ описательныхъ дѣйствій или состояній, служащихъ введеніемъ къ сюжету разсказа; въ самомъ же сюжетѣ, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ употребляется *perfectum participium*. Привожу примѣръ употребленія времени: 'Жилъ-былъ Гилякъ. У него была жена. Они жили въ большомъ домѣ; они съ голоду умирали (вступительныя состоянія). Вотъ мужъ пошелъ рыбу ловить' (начало сюжета).

Гиляцкій переводъ: *Ні́рвыың нёның хуныврá. ай́еј нёның ивра. пі́аң-таф - піт хунынта; кырмута́ (вступленіе). Ах хуң ы́чих чо наныгыр́ вір.*

Когда вступительныхъ дѣйствій немного, какъ въ нашей поэмѣ, *perfectum descriptivum* легко замѣняется *participium*, этой любимѣйшей формой гиляцкой рѣчи.

2) Въ серединѣ разсказа для описанія подробностей и второстепенныхъ дѣйствій, напр.: 'Гиляки въ домъ вошли (три человека вошли, трое на дворѣ остались)'.

Переводъ: *Ні́рвыыңкун та́фтох југут (ча́кр ні́рвыың југута́, ча́кр ні́рвыың клы - віта́).*

3) Для описанія обычныхъ деталей какой-нибудь процедуры, напр., пригото- вленія къ походу, охотѣ, борьбѣ, процедуры одѣванія и т. п. Привожу примѣръ при-

готовления къ походу героини одной поэмы: 'Она юбку взявъ *одъла*, мужским поясомъ *опоясалась*, свою голову (волосы) по-мужски *заплела*, мужскую шапку взявъ *одъла*, лукъ взявъ *понесла* (= взяла съ собою), копьё взявъ *понесла*, оленя одного взявъ *стла* верхомъ.

Переводъ: Хо́ски керъ ја́ра, а́змыч - вихывы́ркыё вихыв́ра, п'со́чхр њё́бнкуръ но́ра, чёсках керъ ње́ра, пунд геръ шо́ра, кхах керъ шо́ра, тла́ццї нан геръ і́рпра.

4) Когда необходимо выделять какое-нибудь дѣйствіе изъ общаго хода разсказа, чтобы подчеркнуть этимъ его важность, эффектность и т. п. Этотъ случай именно изъбѣтъ мѣсто въ разбираемомъ словѣ: рассказчикъ желаетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что жестокость юности довела старика до слезъ.

5) Когда рассказчикъ желаетъ замедлить быстрый темпъ разсказа, онъ начинаетъ употреблять эту полную форму взаи́мнъ у́сѣченной perfectum participium.

6) Разбираемая форма употребляется также для выраженія настоящаго времени, когда необходимо обозначить постоянный признакъ подлежащаго или обычное его дѣйствіе. Поэтому-то существительныя-сказуемыя, принявъ глагольную форму (обычное явленіе въ гяляцкомъ языкѣ), принимаютъ флексию разбираемой формы, напр.: 'Я — Гялякъ, онъ — русскій' въ переводѣ будетъ: Њї ѡ́бывы́ц - та, һунд луча - ра; или: 'Я — пзъ деревни, что по серединѣ бухты' (обычный шутивый отвѣтъ на вопросъ, откуда кто пришелъ), въ переводѣ: Њї пал'һы́та - воны́ц - та.

35. (стр. 5) о́схау — 'разсердившійся'. Здѣсь perf. part. употреблено въ смыслѣ дѣепричастія (см. § 16, III, В). Начало глагола чханд. Начальный гласный о — мѣстоименный префиксъ для обозначенія взаимности (сокращеніе мѣст. орыхъ — 'другъ - друга'); для выраженія переходящаго дѣйствія употребляется въ данномъ случаѣ мѣстоименіе е: о́сханд — 'не хотѣть, не любить чего-нибудь'. Только при наличности прямого дополненія употребляется начальная форма чханд; напр. ѡ́и та́мых чханд — 'я не люблю табаку'. Другой примѣръ: отъ ч́монд (при наличности прямого дополненія) — 'любить' имѣемъ: о́смонд — 'любить кого-нибудь' и о́смунд — 'другъ друга любить'.

36. (стр. 5). ку́зір — 'вышелъ', 3 л. ед. ч. perf. part. Начало: ку́зінд. Гласный і или въ другихъ случаяхъ ы передъ окончаніемъ — примѣта средняго залюга. Если і замѣнить гласнымъ у, получимъ глаголъ дѣйствит. залюга: ку́сунд — 'вытлунуть'. Другіе примѣры: о́зінд — 'встать', о́сунд — 'поднять'; ма́кінд — 'подниматься', ма́кунд — 'поднимать', п'ма́кунд — 'себя поднимать, расти'; па́ндынд — 'расти', ва́ндунд — 'выростить' и т. д.

37. (стр. 5). вич́кё — 'пошелъ, долго ходилъ, далеко ходилъ'. Неопр. накл. в́нд. Особый видъ прошедшаго времени (perfectum durativum) изъ класса tempora pura (употребляется исключительно для выраженія прошедшаго времени); не измѣняется ни по лицамъ, ни по числамъ (нефлектирующая форма); чаще всего употребляется для выраженія пзъявительнаго наклоненія, но встрѣчается и въ смыслѣ дѣепричастія (modus praedicativo - adverbialis).

По образованію своему разбираемая форма принадлежитъ къ той обширной группѣ глагольныхъ формъ, которыя образовались путемъ прибавленія къ основъ глагола того или другаго варѣчїя (см. № 28, 6): въ данномъ случаѣ къ основѣ в́и прибавлено нарѣчїе һафкё — 'потомъ', причемъ слогъ һа исчезъ при сляіиіи (случай флектированїя); но сохранилась еще и полная форма: в́ин-һафкё, в́нд-һафкё.

Въ слятакпическомъ отношеніи форма эта употребляется для выраженія особой продолжительности или интензивности дѣйствія. Чтобы лучше отнѣнить интензивность дѣйствія, Гилякп конечное *ѳ* произносится съ особымъ повышеніемъ голоса, модулируя этотъ звукъ въ нѣсколькихъ последовательно повышающихся тонахъ (см. § 5).

Есть цѣлая группа временъ, оканчивающихся на гласный съ подобнымъ характернымъ модулирующимъ удареніемъ, придающимъ дѣйствію соответствующій изобразительный оттѣнокъ; таковы формы на *ы*, *о* и другія (см. § 56).

Во всѣхъ языкахъ замѣчается модуляція голоса для отнѣненія дѣйствія, но въ гиляцкомъ это составляетъ правильное явленіе для опредѣленныхъ формъ, которыя можно было-бы выдѣлять въ особую группу «изобразительныхъ».

38. (стр. 5). чхыѳ нан муѳ - нунывынкуѳ интыѳ — ‘увидѣлъ, что медвѣдь одинъ лежалъ мертвымъ’.

а) Главный глаголь (интыѳ) — ‘увидѣлъ’ (perf. part.) поставленъ въ концѣ предложенія. Это общее правило въ гиляцкомъ языкѣ, что не только въ простомъ предложеніи, но и въ сложныхъ, главный глаголь всегда ставится въ концѣ, такъ что придаточныя дополнптельные стоятъ впереди дополняемаго главнаго глагола.

б) Послѣ глагола интынд, какъ и послѣ многихъ другихъ *verba affectus* и *dicendi*, придаточныя дополнптельные предложенія принимаютъ слѣдующій оборотъ:

1) союзъ, соответствующій нашему ‘что’ отсутствуетъ;

2) подлежащее ставится въ винт. падежѣ, что явственно видно въ тѣхъ случаяхъ, когда оно выражено личными мѣстоименіями, которыя въ этомъ случаѣ принимаютъ специальную флексію винт. падежа *ах*.

3) Сказуемое - глаголь принимаетъ въ видѣ флектирующаго суффикса вспом. глаголь кунд въ формѣ причастія образца № 1 или 3 таблицы (смотря по времени), причемъ причастіе это — что весьма замѣчательно — согласуется въ лицѣ и числѣ съ подлежащимъ главнога предложения. Въ данномъ случаѣ подлежащее главнога предложения стоитъ въ 3 л. ед. ч., поэтому и причастіе отъ кунд поставлено въ томъ же лицѣ и числѣ — куѳ. Суффиксъ кунд прибавляется непосредственно къ начальной формѣ глагола, всегда оканчивающейся на *нд*, причемъ конечное *д* передъ *к* выпадаетъ.

в) муѳ — ‘мертвый, умершій’ — причастіе настоюще - прошедшаго вр. отъ гл. мунд. (См. § 16, III, В и С).

г) Въмѣсто чхыѳ — ‘медвѣдь’ можно сказать и чхыѳ; *ѳ* передъ и по общему правилу переходитъ въ *в*, если оба слова произносятся слитно. Вотъ еще примѣръ: тав нахѳр въмѣсто тав нахѳр — ‘одинъ домъ’.

39. (стр. 6). хгерѳ — perf. part. отъ гл. кенд = хенд = генд = хгенд — ‘брать’. Согласно фонетическимъ особенностямъ гиляцкаго языка, о которыхъ мы говорили по поводу губныхъ и язычныхъ звуковъ (см. §§ 18 и 27), и гортанные часто совершенно произвольно переходятъ одинъ въ другой, въ однихъ и тѣхъ же словахъ одного и того же діалекта, какъ въ разбираемомъ случаѣ, гдѣ всѣ приведенныя формы употребляются совершенно безразлично.

Законность переходовъ замѣчается и у гортанныхъ только въ случаяхъ слянія словъ, когда конечный звукъ предыдущаго слова вліяетъ на начальный послѣдующаго. Такъ, послѣ звуковъ *п*, *ѳ*, *в*, *т*, *д*, *с*, *ч*, также послѣ краткихъ гласныхъ, основной гортанный *к* всегда переходитъ въ *х*, напр. отъ глагола кенд — ‘брать’ имѣемъ *п’хенд* — ‘его взять’, *ч’хенд* — ‘тебя взять’; отъ словъ: *ват* —

'желѣзо' и ку — 'стрѣла': wáŋ - ху — 'желѣзная стрѣла'; отъ кыѣинд — 'копать' и префикса һуѣ — 'здѣсь': һуѣхыѣинд — 'здѣсь копать'; отъ пунд — 'лукъ' и кун — флексии ми. ч.: пундхун — 'луки'; отъ мла — 'ухо' и той же флексии: млахун — 'уши'.

Наоборотъ, послѣ звуковъ к, х, р, н, звукъ к остается безъ перемѣны.

40. (стр. 6). ізрѣ́ — дѣшр. давно-прош. времени (см. § 28) отъ гл. іѣинд, іѣинд — 'снять шкуру'.

41. (стр. 6). һуѣух — нарѣчіе 'здѣсь'. Оно составлено изъ двухъ словъ: нарѣчія һуѣ — 'здѣсь' и надежнаго послѣлога ух; при слияніи глухое ѣ перешло въ звонкое ѣ.

ух — надежный послѣлогъ, посредствомъ котораго имя отвѣчаетъ на вопросы: откуда (чаще всего), куда и гдѣ, напр. мів - ух — 'изъ земли, въ землю'; тав - ух — 'изъ дома, въ домъ, въ домѣ'.

Въ разбираемомъ случаѣ характерно, что нарѣчіе приняло надежный суффиксъ (послѣлогъ); но это обычное явленіе въ гилацкомъ языкѣ, что не только имена, но и такія части рѣчи, какъ глаголь и нарѣчіе, принимаютъ надежные послѣлоги. Въ нарѣчіяхъ подобные послѣлоги являются часто плеоназмами, какъ въ разбираемомъ случаѣ или въ пѣг - ух — 'завтра', гдѣ пат собственно есть нарѣчіе 'завтра', а послѣлогъ ух является плеоназмомъ. Въ глаголахъ надежные послѣлоги служатъ для обозначенія надежей герундія. Такъ, напр., отъ гл. ѡсмунд — 'любить', герундіѣ будетъ ѡсмуръ; прибавивъ къ послѣднему послѣлогъ кіръ, соответствующій нашимъ предлогамъ 'съ, по', получаемъ выраженіе: ѡсмуръ - кіръ — 'по любви'.

Въ гилацкомъ языкѣ, какъ мы говорили, склоненій въ нашемъ смыслѣ не существуетъ, и послѣлоги замѣняютъ и наши предлоги, и надежныя флексии. Происхожденіе послѣлоговъ очень легко прослѣдить.

Большинство изъ нихъ либо глаголы, либо существительныя. Такъ послѣлоги пѣнд и хунд — 'въ' въ то же время употребляются и какъ глаголы въ значеніи 'находиться, быть'. Или послѣлогъ ѣаръ — 'за' есть прич. отъ гл. ѣанд — 'пойти зачѣмъ ибудь'; послѣлогъ хавръ — 'безъ' есть прич. отъ гл. хаврнд — 'не имѣть' и т. д.

Съ другой стороны послѣлоги: мѣ — 'внутри', хѡмі — 'около'; орж — 'при, около'; тхы — 'иверхъ'; ах — послѣлогъ вин. надежа, и др. берутся отъ соответственныхъ существительныхъ: мѣ — 'низъ'; хѡмі — 'бокъ'; орж — 'берегъ'; тхы — 'верхъ'; ах — 'конецъ' и т. д.

Но есть послѣлоги, какъ рох, ух и др., происхожденіе которыхъ для насъ утеряно, хотя, безъ сомнѣнія, и они представляютъ сокращенія какихъ-нибудь знаменательныхъ частей рѣчи. Послѣлоги этой категоріи, въ свою очередь, сокращаясь, образуютъ иѣчто весьма близкое нашимъ однозвучнымъ флексіямъ, напр., послѣлогъ ух часто сокращается въ х; такъ отъ словъ: му — 'лодка' и п'ѣры — 'его балаганъ', посредствомъ прибавленія послѣлога х, получаютъ выраженія: мух — 'изъ лодки'; п'ѣрыхъ — 'изъ балагана' и т. п.

Немногіе только послѣлоги до иѣкоторой степени соответствуютъ нашимъ надежамъ безъ предлоговъ; таковы рох и ах. Первый соответствуетъ дательному, второй — винительному надежу, напр.: нѣѣвыѣнъ - тох ѡкѣнд — 'человѣку зло дѣлать'; нѣѣвыѣнъ-ах п'ѣнѣкуѣнд — 'человѣка звать за собою, велѣть придти'.

Часто падежи опредѣляются мѣстомъ, занимаемымъ именемъ въ предложениіи, напр. ту во Ылы чо́ланд уі́гінд — 'въ этой деревнѣ очень бѣдныхъ (людей) нѣтъ'; точно также: ытк таѳ — 'домъ отца' (отъ ытк — 'отець' и таѳ — 'домъ').

Самые употребительные послѣлоги: рох = тох = дох — 'къ, въ'; ух — 'взъ'; кызъ = хызъ = кыр = кір — 'съ, по, на'; пінд, хунд — 'въ'; ах — вни. прямого дополненія въ нѣкоторыхъ случаяхъ; ѳар, ѳан — 'за кѣмъ-нибудь' (ср. тотъ послѣлогъ съ юагирскимъ ѳин); ми — 'внутри'; тхы — 'наверху, поверху'; грыт — 'вмѣстѣ съ'; хін — 'съ'; хавр — 'безъ', и т. д.

42. (стр. 6) ту́гур — 'огонь'; существительное.

43. (стр. 6) ічір — 3 л. ед. ч. perf. пагг. отъ ічінд — 'разложить огонь'.

44. (стр. 6) зоо́схур ша́р інір — 'разрѣзалъ, жарилъ, ѣлъ'; perf. пагг. Въ первыхъ двухъ словахъ слѣдуетъ отмѣтить, что они произносятся также и чоо́схур, тар. О переходѣ звука т въ ш мы уже говорили (см. § 27). Что касается ч, то звукъ этотъ способенъ переходить въ т, с, з, напр., чранд = гланд — 'горбуша' (рыба); п'со (отъ пі — 'его', чо — 'рыба'); چیу = зіу — 'шумъ' и т. п. Въ гл. зоо́схунд гласный у — принята дѣйств. залога (см. § 36); средній залогъ: зоо́схынд — 'сломаться, б. сломаннымъ'.

45. (стр. 6) ініфкѣ — 'долго ѣлъ'; perf. durativum (см. § 37).

46. (стр. 7) ыч́иха — звательный падежъ отъ ыч́их — 'старикъ'. Падежная флексія — ударяемое а, рже о, одинаково употребляется для ед. и мн. числа.

47. (стр. 7) ні́йых — 'мало' (нарѣчіе); сравнит. степень: јах ні́йых, превосходная: Ылы ні́йых.

48. (стр. 7) ва́рк - хавр — 'только-бы'; ва́рк = па́рк = ба́рк = пы́рк = вы́рк (см. § 18). Сохраненіе въ этомъ случаѣ гласнаго а объясняется присутствіемъ логическаго ударенія на этомъ гласномъ; хавр — частица, соответствующая нашему 'бы'.

49. (стр. 7) н'арі́ла — 'накорми меня'. Составлено изъ н' = ні, личнаго мѣстоименія 'меня', сливагося съ гл. а́рінд — 'кормить'; арі́ла — особая форма повел. накл. съ сослагательнымъ отгѣнкомъ, благодаря предшествующей частицѣ хавр — 'бы' (§ 48). Форма эта принадлежитъ къ категоріи нефлектирующихъ.

А. Обыкновенная форма повелительнаго наклоненія слѣдующая:

2 л. ед. ч.: ар - ја — 'корми!'

1 л. мн. ч.: ар - натѣ

(conjunctivus) ар - інта } — 'давайте кормить! станемъ кормить!'

adhortativus) ар - инда }

2 л. мн. ч.: ар - вѣ — 'кормите!'

Б. Повелительныя формы съ потенциальнымъ отгѣнкомъ, выражаемыя въ русскомъ языкѣ посредствомъ слова «пусть», въ гиляцкомъ языкѣ выражаются нефлектирующей формой съ окончаніемъ хажр (imperativus vel conjunctivus adhortativus), напр. арі - хажр — 'пусть я, ты, онъ и т. д. кормлю... кормятъ'.

В. Послѣдній отгѣнокъ выражается часто и обыкновенною формою повел. наклоненія, но тогда глаголъ изъ дѣйствительнаго залога обращается въ принудительный; напр.: отъ гл. а́рінд принуд. зал. будетъ а́рінкунд, 2 л. ед. ч. повел. арінкја́. Если передъ этой формой поставить соответствующее мѣстоименіе или существительное въ винит. падежѣ (на ах), получимъ форму imperativi adhortativi, напр. н'ах арінкја́ — 'пусти меня кормить, пусть я кормлю!'

50. (стр. 7) ітѣ — ‘сказаль’: perf. part. отъ ітѣд — ‘сказать’.

51. (стр. 7—8). пі - іхун - һој - һіја — ‘тобой убитого гоа кушай!’

Русскій творительный падежъ дѣйствующаго лица въ формѣ именительнаго падежа ставится въ началѣ предложенія, предметъ, на котораго перешло дѣйствие этого лица — послѣ причастія, а глаголъ - сказуемое, по общему правилу, въ концѣ предложенія.

а) пі — ‘себя’ и т. д.; здѣсь употреблено вмѣсто личнаго мѣстоимѣнія 2-го лица чі.

б) іхун — ‘убитый’, причастіе настояще-прошедшаго вр.; другая форма того же причастія — іхун. Отъ этихъ двухъ полныхъ формъ образовались краткія формы путемъ усѣченія конечныхъ звуковъ н, и и даже двухъ послѣднихъ звуковъ; такимъ образомъ получаемъ четыре формы этого вида причастія: іхун, іхун, іху, и іх. Эти формы причастія употребляются безразлично для выраженія дѣйствительнаго, средняго и страдательнаго залоговъ. Вотъ нѣкоторые примѣры:

іііи чхыч — ‘съѣденный медвѣдь’ и ‘медвѣдь, который кушалъ’;

пү ивн шанх — ‘мужа вмѣющая женщина’ (замужняя);

һахеј кун ва — ‘въ ящикѣ заходящаяся сабля’;

һі іехриг пунд — ‘лукъ, которымъ я игралъ’.

При одинаковости окончаній, залоги этихъ причастныхъ формъ опредѣляются либо по смыслу, либо по расположенію словъ въ предложеніи, либо по мѣсту логическаго ударенія. Такъ напримѣръ:

һіһывың вѣркең оқх — ‘Гилякомъ проданная шуба’,

оқх вѣркең һіһывың — ‘продающій (авшій) шубу Гилякъ’.

Иногда для болѣе точнаго опредѣленія залога прибѣгаютъ къ описательнымъ словамъ, напр.: ‘убитый человекъ’ — іху һіһывың, но ‘человекъ, который убилъ’ — һіһывың-ку-һіһывың, т. е. ‘человѣкъ убившій человекъ’; форма ку тождественна съ іху, съ той только разницей, что въ первой опущено плеонастическое мѣстоименіе і (см. § 26), благодаря наличности предшествующаго дополненія һіһывың, а вслѣдствіе этого і звукъ х превратился въ первоначальное к (см. § 7, ж).

Дѣйствительный залогъ имѣетъ еще и другія формы причастія, какъ напр.,

прич. наст.-прошедш. вр.: іхурá һіһывың — ‘убивающій человекъ’,

прич. буд. вр.: іхуіны һіһывың — ‘намѣревающейся убить’.

Всѣ перечисленныя формы (исключая формы на рá) употребляются исключительно въ качествѣ причастій, но никогда какъ дѣеипричастія, въ противоположность предикативно-причастнымъ формамъ, которыя одинаково употребляются для обозначенія и причастій и дѣеипричастій.

в) Специальнаго спряженія страд. залога въ гылякомъ языкѣ собственно не существуетъ, а для выраженія пассивности прибѣгаютъ либо къ описательнымъ оборотамъ, либо просто пользуются дѣйств. залогомъ. Чтобы выразить, напр., понятіе ‘быть раненымъ’, Гилякъ говоритъ: шів лагид т. е. ‘имѣть рану’.

Ни въ разговорной рѣчи, ни въ поэтической, не приходилось слышать соединенія упомянутыхъ причастій съ вспомогательнымъ глаголомъ «быть» (һуһывынд). И совершенно понятно, потому что и чисто страдательныхъ формъ причастій, какъ мы видѣли, нѣтъ въ гылякомъ языкѣ. Вотъ примѣръ изъ разбираемой поэмы (стр. 124): ја - ротхун сік јунхарта — ‘его руки совсѣмъ были связаны’. Не смотря на явное пассивное значеніе, по-гыляцки приведенное предложеніе выражено дѣйстви-

тельнымъ залогомъ въ безличной формѣ; буквально переводъ гласны: «его руки со-вѣсьмъ связали»; jupxartá — perfectum descriptivum activum intensivum.

г) ñjǎ — повел. накл. отъ ññnd — 'ѣсть', причѣмъ начальное ñ подверглось элизиі благодаря наличности предшествующаго дополненія (hoj).

52. (стр. 8) ñi — личное и притяж. мѣстном. 1-го лица ед. ч. — 'и' и 'мой'. Сливается съ именами, которымъ оно служитъ опредѣленіемъ, и съ глаголами, когда оно въ качествѣ личнаго мѣстном. служитъ имъ дополненіемъ. При сливаніи конечное ñ подвергается элизиі и вызываетъ измѣненіе въ фонетикѣ слѣдующаго звука, напр., ñ'raj — 'моя трубка' (отъ taj — 'трубка'), ñ'gi — 'мои сапоги' (отъ ki — 'сапоги') и т. п. Мѣстоименіе ñi для выраженія нашихъ надежій принимаетъ соответствующіе послѣлоги, какъ и существительныя, напр., ñerx = ñirx — 'мнѣ' (послѣлогъ rox) и т. п. Въ качествѣ прямого дополненія послѣ глаголовъ принуд. залога оно принимаетъ падежный послѣлогъ ax, съ которымъ сливается въ ñ'ax. Въ им. падежѣ оно усиливается частицами at, an, aŕ — ñat, ñan, ñaŕ. Формы мн. ч.: мызи, мыз, рѣже ññ. Въ косвенныхъ падежахъ (съ послѣлогами) преимущественно употребляется форма ññ, напр., ññax — 'насъ'. Оно имѣетъ и двойственное число: мецц = мец — 'мы оба' (ср. 'два' § 14).

53. (стр. 8) ñamyŕ — 'нашѣе' 'вчера'.

54. (стр. 8) jet — дѣспр. perf. pagat. отъ gl. hend — 'варить', сливагося съ мѣстоименнымъ префиксомъ ñ въ jend; ср. jeróŕ (§ 28).

55. (стр. 8) sik — опред. мѣстном. 'весь, каждый'. Подобно другимъ именамъ въ гиляцкомъ языкѣ, это слово можетъ принимать и глагольную форму; такъ, напр., прибавивъ суффиксъ безличности ra, получаемъ выраженіе sikrá — 'довольно, кончено'. По способности гиляцкаго языка придавать глагольную форму именамъ, языкъ этотъ въ высшей степени сближается съ языками американскими, также юкагирскимъ.

56. (стр. 8) ññxaryñi — 'я съѣлъ'; неопред. накл.: ññxarynd. Оно образовалось изъ обыкновеннаго неопр. накл. гл. ññnd — 'ѣсть', въ которомъ передъ окончаніемъ nd вставленъ суффиксъ хар(ы). Суффиксъ этотъ, какъ и суффиксы вообще въ гил. яз., способенъ сокращаться въ одинъ звукъ, въ данномъ случаѣ въ x: вмѣсто ññxarynd можно сказать ññxыnd, хотя полная форма болѣе употребительна.

Суффиксъ хар обращаетъ всякій глаголъ въ особый видъ, который мы называемъ интенсивнымъ. Этотъ видъ выражаетъ: 1) что дѣйствіе окончательно совершилось, наиримѣръ, úxarynd — 'сгорѣть' (отъ гл. und — 'горѣть'); ññxarynd — 'съѣсть безъ остатка'; víjoxarynd — 'раздѣться до нага' и т. п. (интенсивность въ результатѣ дѣйствія); либо 2) что дѣйствіе продолжалось особенно долго (интенсивность во времени), напр. húnıvıxarynd — 'пробывать, долго жить' и т. п.; 3) особую интенсивность самаго процесса дѣйствія, напр., evxárynd — 'крѣпко держать' (отъ evid — 'держатъ'), и 4) интенсивность въ количествѣ дѣйствующихъ лицъ, напр. húnıvıxarynd означаетъ также 'очень много людей было, жило'.

Форма ññxaryñi — одна изъ многочисленныхъ въ гил. яз. нефлектирующихся формъ прошедшаго времени (разрядъ tempoŕa riga). Группа формъ, къ которой принадлежитъ разбираемая, обыкновенно оканчивается на ñ, é, ó, съ удареніемъ на послѣднемъ гласномъ и часто съ особой модулирующей интонаціей, ярко показывающей, что этимъ желаютъ изобразить особый оттѣнокъ дѣйствія или обратить особое вниманіе на данное дѣйствіе (формы изобразительныя; ср. § 37).

Примѣры формъ этой группы: хохранѣ — ‘перебили’, такы́ — ‘исчезъ’, ляхывикѣ — ‘кругомъ ходилъ’, ныты́ — ‘согнулся’, чоіовкі — ‘разбѣжались’, маўііѣѣ — ‘подошелъ’ и т. п. Грамматическое происхождение этихъ неправильныхъ формъ не во всѣхъ случаяхъ тождественно:

а) Въ однихъ онѣ являются результатомъ простаго устѣченія окончаній въ правильныхъ формахъ, характернымъ доказательствомъ чего можетъ служить существованіе такихъ, напр., параллельныхъ формъ, какъ ныты́р (правильная полная форма *ref. paggat.*) и ныты́ (устѣченная форма). Обѣ формы употребляются въ одномъ и томъ же значеніи ‘согнулся’.

б) Въ другихъ случаяхъ образованіе этихъ формъ могло произойти вслѣдствіе прибавленія къ основѣ или начальной формѣ глагола восклицательнаго гласнаго (съ удареніемъ и особой интонаціей на немъ для большей изобразительности). Такой именно случай имѣетъ мѣсто въ разбираемомъ словѣ ініхарынн, гдѣ ініхарын(д) — начальная форма глагола (д выпало для благозвучія), а окончаніе ы — интонированный (восклицательный) гласный, прибавленный для изобразительности — ‘съѣлъ все безъ остатка!’

в) Иногда конечные гласные являются простыми сокращеніями нарѣчныхъ суффиксовъ, напр., ь отъ *haŋkē* (§ 28).

57. (стр. 9) ііахтох — союзъ ‘какъ’ и ‘куда’; онѣ составленъ изъ числит. ііах — ‘разъ’ и послѣлога тох.

58. (стр. 9) морхайндіа — ‘останусь-ли въ живыхъ?’ Начало морханд — ‘жить’.

а) Форма морхайнд принадлежитъ къ формамъ нефлектирующимъ, предикативнымъ, а по времени къ *tempora impura* (будущее-настоящее); она соответствуетъ такъ наз. несовершенному вр. въ американскихъ и юкагирскомъ языкахъ. Характернымъ признакомъ этой формы служитъ суффиксъ *i*, предшествующій окончанію неопредѣленнаго наклоненія *nd*. Форма эта имѣетъ слѣдующія значенія:

- 1) будущаго времени изъявительнаго наклоненія,
- 2) буд. вр. неопредѣленнаго наклоненія,
- 3) настоящаго вр. несоверш. вида изъявительнаго наклоненія,
- 4) наст. вр. неопредѣленнаго наклоненія,
- 5) латинской *conjugatio periphrastica* (собираюсь, намѣреваюсь что либо дѣлать).

б) *ná* — вопросительная частица, соответствующая нашему ‘ли’. Относительно вопросительныхъ формъ въ глянскомъ языкѣ слѣдуетъ замѣтить слѣдующее:

α) Въ вопросительныхъ предложенияхъ послѣ глагола-сказуемаго употребляются слѣдующія частицы: *na, ɕa, lo, lu, ly, l'*, а при существительныхъ иногда употребляется вопрос. частица *ыікѣр*. Въ предложенияхъ, въ которыхъ имѣется вопрос. нарѣчіе или мѣстоименіе, употребленіе вопрос. частицъ не обязательно.

β) Чаще всего въ этихъ предложенияхъ употребляются формы чисто-предикативныя и нефлектирующія съ окончаніемъ на *nd*; никогда не употребляются предикативно-причастныя формы.

γ) Сверхъ того употребляются слѣдующія спеціально вопросит. формы:

1) Слитныя формы изъ основы глагола *-t* вопрос. част., напр. *iv - lo* (вм. *ivnd - lo*) — ‘пѣтешь-ли?’; *кы́рмуфу - lo* (вм. *кы́рмуфунд - lo*) — ‘умпраешь - ли съ голоду?’; *пы́иіны - l'* (вм. *пы́иінынд - lo*) — ‘придешь-ли?’

2) Слитныя нефлектирующія формы изъ основы + окончанія: рра, ша, та + вопрос. частица (для прошедшаго времени), напр. пшы́ - рра - ло или інты - та - 1' — 'видѣль-ли?' пшы́ - ша - 1' — 'пришель-ли?'

3) Формы образованныя: а) изъ основы + окончаній ꙗ (для выраженія буд. вр.) и ша (для настояще-буд. вр.). Обѣ формы употребляются только въ соединеніи съ вопрос. союзами шáктох, шамра́цгң — 'куда, какъ?' и т. п., причемъ послѣдняя форма одинаково служить какъ для выраженія вопроса, такъ и для отрицанія, напр.: шáктох жүгі - ꙗ́ — 'куда пойду?'; шáктох жүгі - ша́ — 'какъ пойду = не могу пойти'. Въ послѣднихъ двухъ формахъ передъ окончаніемъ часто вставляется суффиксъ буд. времени і, такъ что жүгі - ꙗ́ = жүгііꙗ́ и жүгіша́ = жүгііша́.

4) Къ вопросительнымъ формамъ можно отнести и формы conjunctivi potentialis съ окончаніемъ на коꙗ́ло, јахоꙗ́ло, которыя въ соединеніи съ вопрос. союзами выражаютъ какъ вопросъ, такъ и отрицаніе, напр.: шáктох він - коꙗ́ло — 'куда пойду? = не могу пойти', він - ло - јахоꙗ́ло — 'не пойти-ли?'

59. (стр. 9) кіꙗ́ргы́зъ — 'съ голоду'. Составлено изъ: кыꙗ́ — герундія отъ гл. кыридъ — 'голодать' и послѣлога кызъ — 'съ, по' (начальное к перешло въ г).

а) Герундіи образованы изъ основы глагола + ꙗ́, напр. отъ гл. о́смунд (основа о́сму) — 'любить', гер.: о́смур; но въ глаголахъ, основы которыхъ оканчиваются на р, какъ въ разбираемомъ случаѣ, основное р обращается просто въ ꙗ́, которое часто въ этихъ случаяхъ произносится и какъ р (см. фонетку § 9).

б) Послѣлогъ кызъ въ другихъ комбинаціяхъ употребляется еще и въ слѣдующихъ видоизмѣненіяхъ: кыꙗ́, кыꙗ́, кыс, хыс, хыꙗ́.

О переходѣ р въ с и з мы уже говорили, гласныя ы и і также легко переходятъ другъ въ друга. Что касается начального к, то переходъ его въ х, г, въ зависимости отъ предыдущаго звука, подчиняется извѣстнымъ законамъ и можетъ быть объясненъ чисто-физиологическимъ путемъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: 1) wát - хыꙗ́ 2) нунд - хыс 3) чхá - хыꙗ́ 4) сета - хыꙗ́ 5) чхáꙗ́ - кыꙗ́ 6) тáмх - кыꙗ́ 7) кхán - гыꙗ́ 8) кыꙗ́ - гыꙗ́.

в) Въ первыхъ двухъ случаяхъ переходъ к въ х произошелъ согласно общему правилу фонетики глянцкаго языка, по которому при стеченіи двухъ взрывныхъ второй изъ нихъ переходитъ въ соответствующій сипрантъ. Физиологическое объясненіе этого очень просто: при произношеніи, напр., взрывнаго звука т гортань сжимается, такъ что совершенно естественно, чтобы слѣдующій за нимъ твердый взрывной к перешелъ въ сипрантъ х, при произношеніи котораго гортань расширяется и свободно приходитъ въ движеніе. Точно также въ примѣрахъ третьемъ и четвертомъ послѣ гласнаго а, произносимаго при индифферентномъ состояніи гортани, взрывн. к также естественно переходитъ въ х, благодаря чему получается пріятное облегченіе артикуляціи.

г) Наоборотъ, послѣ сипрантовъ или послѣ звуковъ р, ꙗ́, требующихъ работы гортани, взрывное к остается безъ перемѣны (примѣры 6 и 5).

д) Въ разбираемомъ словѣ кыꙗ́ - гыꙗ́, вопреки предыдущему, к перешло въ г вслѣдствіе диссимиляціи съ начальнымъ к основнаго слова.

е) Послѣлогъ кыꙗ́ и т. д. образовался отъ всепом. гл. кундъ = кындъ = гындъ — 'дѣлать, производить'.

60. (стр. 9) муиндха́иꙗ́ — 'умру, придется умереть'. Особый видъ сложнаго нефлектирующаго буд. времени (tempus prius); начало мундъ — 'умереть'.

а) муиндһаихнӓ составлено изъ 1) нефлектирующей формы настояще-буд. времени главного гл. муинд, образуемой через вставление суффикса *i* передъ окончаніемъ неопред. склоненія (см. § 16, II A) и 2) нефлектирующей формы будущего вр. отъ всеом. гл. һанд — 'быть': һаихнӓ. Һаихнӓ въ свою очередь состоитъ изъ основы неопр. накл. буд. вр. һа - *i* - суффиксъ ах + нарѣчіе һанӓ — 'потомъ', сократившихся въ хна. Рядомъ съ этой формой существуетъ съ одной стороны болѣе полная форма муӓахһанӓ, съ другой болѣе краткая муӓихнӓ (она же и наиболѣе употребительная). Въ этомъ явленіи, на которое мы уже указывали и раньше (ср. §§ 28, б и 37), — въ существованіи новѣйшихъ инфлектированныхъ формъ рядомъ съ первобытными, составленными изъ самостоятельныхъ значущихъ словъ, — заключается одна изъ интереснѣйшихъ особенностей гилаккаго языка, языка im Werden, морфологическая эволюція котораго продолжаетъ происходить еще на нашихъ глазахъ.

Такимъ образомъ, по формѣ своей муиндһаихнӓ принадлежитъ къ упомянутой уже нами категоріи формъ, образовавшихся посредствомъ суффиксовъ — всемогат. глаголь. По значенію своему, эта форма будущего отличается отъ другихъ формъ того же времени тѣмъ, что часто заключается въ себѣ отглагольное потенціальности; переводится посредствомъ выраженій: 'придется, вѣроятно придется', и т. п.

б) Въ суффиксѣ һаихнӓ любопытно, что гл. һанд, отъ котораго онъ образовался, принялъ въ этомъ случаѣ суффиксъ һанӓ, который въ свою очередь тоже лишь производное отъ того же всеом. гл. һанд.

61. (стр. 9). мухажрӓ — 'поирай себѣ, пусть ты умрешь': *Conjunctivus vel imperativus adhortativus* (нефлектирующая форма) отъ гл. мунд; образуется изъ основы му + флексія хажрӓ (см. § 49, Б).

62. (стр. 10) јӓцӓңц — нарѣчіе 'почему'; подобно многимъ другимъ нарѣчіямъ принимаетъ глагольные окончанія (јӓцӓңнд, јӓцӓңрӓ и т. и.).

63. (стр. 10) јӓрӓнӓлӓйӓ — 'виновать буду' особая форма вопросительнаго спряженія настояще-буд. вр. разряда нефлектирующихъ (см. § 58, б, γ, 3).

64. (стр. 11). чѣкӓхухӓ — 'ножемъ'. Состоитъ изъ сущ. чѣкхо = чѣкху — 'ножъ' и послѣлога хыӓ (см. § 41).

65. (стр. 11) пӓйӓчӓх — 'своего старика'; составлено изъ мѣстоим. пӓ, въ которомъ конечное *i* подверглось элизию, и сущ. йӓчӓх.

66. (стр. 11). кураӓ — 'убилъ': *praesens-perfectum descriptivum*, 3 л. ед. ч. (см. § 34). Здѣсь употреблено это время въ виду желанія рассказчика обратить вниманіе на важность данного дѣйствія, именно на убійство старика.

Начало разбираемаго глагола — *ixyнд, ixунд*, въ которомъ начальное *i* (плеонастическое мѣстоименіе), благодаря наличности прямого дополненія пӓйӓчӓх, исчезло, вслѣдствіе чего промежуточный гласный *y* обратился въ основной *y*, и въ связи съ этимъ чередованіемъ гласныхъ согласный *x* обратился въ *k* (см. § 7, ж).

67. (стр. 11) јанг = јан = ја = јей = јец = је = е — притяжательное и личное мѣстоименіе 3-го л. ед. ч., также и относительное «чей». Подобно притяжательнымъ пӓ, *i*, и оно употребляется часто въ значеніи простого члена опредѣленнаго, теряя характеръ мѣстоименія. Въ косвенныхъ надежахъ съ послѣлогами оно встрѣчается только въ формѣ *e*, напр. *é-рах* — 'къ нему'. По составу своему оно сложное слово, составленное изъ двухъ мѣстоименій: притяжательнаго *i* и ука-

(о куѣ) см. § 38, 3). Глаголь этотъ имѣетъ два значенія: 1) 'дать, давать', 2) 'предаваться чему-нибудь, усердно заниматься чѣмъ-нибудь'. Въ этомъ послѣднемъ значеніи онъ всегда имѣетъ впереди себя глагольное дополнение въ видѣ причастія *perf. passat.* Въ разбираемомъ случаѣ дополненіемъ къ *ixymynd* служить гл. *taid* — 'рубить', въ причастной формѣ *tar*. Выраженіе *chár - tar - ixymynkurj-intyj* произносится слитно, какъ одно слово съ главнымъ удареніемъ на первомъ слогѣ.

79. (стр. 13). *chéxkokyč* — 'пожемъ'; см. § 64. Тамъ оно гласитъ: *chéxhuxyč*; переходъ о въ у и к въ х весьма обыченъ въ гяляцк. языкѣ.

80. (стр. 13). *esir*, *ixur* — *perf. passat.* отъ *esind* — 'колотъ' и *ixund* — 'убивать'.

81. (стр. 14) *ja - rur* — 'его мясо'. *Ja* — притяж. мѣст. 'его, ея', *tur* — 'мясо' (см. § 27 I, 3).

82. (стр. 14) *húnux* — нарѣчіе 'отсюда'. Образовалось отъ нарѣчія *hун* — 'здѣсь', и послѣлога *yx* — 'изъ'. Послѣлогъ *yx* встрѣчается и въ формѣ *ux* (см. § 41).

83. (стр. 14). *Tav - náxrtox* — 'въ одинъ домъ'. Характерно, что падежный послѣлогъ *tox* въ этомъ случаѣ агглютинировался не съ существительнымъ, къ которому относится, а съ опредѣлительнымъ *náxrt*; это общее правило въ гяляцкомъ языкѣ: если опредѣленія стоятъ послѣ существительнаго - опредѣляемаго, то послѣлогъ агглютинируется съ послѣднимъ изъ опредѣлительныхъ словъ, совершенно аналогично съ тѣмъ, что въ европ. языкахъ предлогъ ставится всегда передъ первымъ опредѣлят. словомъ.

84. (стр. 14). *jugjá* — давно-прошедшее отъ *júgynd* — 'входить' (см. § 73).

85. (стр. 14). *ičix* *ičényč* *mám* *ičinyč* — 'старикъ одинъ, старуха одна'. Числн. *ičényč* и *ičinyč* совершенно безразлично употребляются для обонхъ родовъ. Переходъ е въ і во второмъ случаѣ объясняется диссимиляціей, весьма обычной, когда два одинаковыхъ слова стоятъ рядомъ или близко одно къ другому. Съ этимъ явленіемъ мы уже встрѣчались въ случаяхъ редуцированія (см. 27, I, 5).

86. (стр. 15). *nat húnuyvit* — см. §§ 16 и 19.

87. (стр. 15). *huc* *ičix* - *kin*, *huc* *mám* - *xin* — 'и этого старика, и эту старуху'. *Kin* — *xin* соответствуютъ нашему двойному союзу и — и, и ставятся всегда послѣ словъ, къ которымъ относятся. Встрѣче считать ихъ двойнымъ послѣлогомъ, тѣмъ болѣе, что они часто употребляются и въ значеніи предлога 'съ, вмѣстѣ'; и въ данномъ случаѣ можно разбираемое выраженіе перевести: 'старика этого вмѣстѣ со старухой убилъ'. Послѣлогъ *kin* встрѣчается и въ формѣ одинокаго послѣлога въ томъ же значеніи 'вмѣстѣ съ'. Переходъ к въ х во второмъ случаѣ (*mám - xin*) объясняется, какъ и въ § 85, диссимиляціей.

